

Роза Хуснутдинова

Штопальщик времени

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Роза Усманова Хуснутдинова

Штопальщик времени

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50393253

Штопальщик времени: Татарское книжное издательство; Казань;

2017

ISBN 978-529-803502-6

Аннотация

В книге «Штопальщик времени» Хуснутдиновой Розы Усмановны представлены два раздела. В первом под названием «Портреты» собраны рассказы о друзьях автора, некоторые из них – известные в искусстве люди. Во втором разделе под названием «Послание Исмагилу» представлены рассказы о родственниках автора, некоторые из них записаны со слов матери автора – Хуснутдиновой Зажужян Масалимовны.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Штопальщик времени	10
Мгновение	17
Восемь узбекских халатов	21
Цветок пустыни	26
Клара и Кубат	34
Юрта Нурлана	42
Зелёные холмы Чиена	49
Юнусабад	55
Эксперимент	63
Луиза	68
Карта Луны, таллинский ликёр и лагман	76
Ведьмы	83
Как мы ходили на спектакль в Театр Резо	87
Габриадзе	
История про разные точки Земли	95
Феи-фурии	97
Трансатлантический рейс	106
Весна девяносто первого	112
В час, когда я насмерть ранен	119
Серго	126
Дом у дороги	132

Ануш	137
Встреча в Ереванском университете	143
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Роза Хуснутдинова

Штопальщик времени

© Татарское книжное издательство, 2017

© Хуснутдинова Р. У., 2017

Предисловие

Моя книга «Штопальщик времени» состоит из двух частей. В первую часть под названием «Портреты» включены в основном рассказы о людях искусства, с которыми я была знакома, с некоторыми – дружила. Это – туркменская писательница Огультэч Оразбердыева, киргизская актриса, режиссёр документальных лент Клара Юсупжанова, казахский режиссёр детских фильмов Канымбек Касымбеков, кинодраматург, писательница Нина Аллахвердова-Соловейчик, художник, актёр, писатель Шавкат Абдусаламов, художник, кинорежиссёр Рустам Хамдамов, узбекский кинорежиссёр Али Хамраев, балерина, актриса Гульча Ташбаева, певица, руководитель ансамбля старинной музыки Лидия Давыдова, её муж, художник Леонард Данильцев, чудесная семья Баяндур: поэтесса Маро Маркарян, её муж – главный редактор журнала «Искусство» Серго Баяндур, их дочь, Анаит Баяндур – переводчица с армянского, общественный деятель, лауреат премии имени Улофа Пальмы, её брат, Ашот Баяндур – прекрасный художник. Присутствует в книге и Светлана Шенбрунн – писательница, с которой я подружилась на Высших сценарных курсах, сейчас она живёт в Израиле. Есть в книге цикл рассказов о семье режиссёра мультипликационных фильмов Андрея Хржановского, рассказ о поэте, писателе, драматурге Тимуре Зульфикарове, об азербайджан-

ском писателе, литературном критике Чингизе Гусейнове. В книге представлены и рассказы об искусствоведах: Альмире Янбухтиной – из Башкирии, Дине Валеевой – из Татарстана, Галине Дайн – из Сергиева Посада. Есть в книге и рассказ о киноведе Инне Генс – жене кинорежиссёра Василия Катаняна. В их доме провела свои последние годы легендарная Лиля Брик. В рассказах об этих известных людях описываются не реальные эпизоды из их жизни, а вымышленные, часто – фантастические, личность героя, героини при таких обстоятельствах проявляется гораздо ярче, точнее. Есть известное изречение знаменитого Иммануила Канта, в нём говорится о том, что есть две вещи на свете, которые изумляют его: звёздное небо над нами и моральный кодекс внутри человека. Хотелось бы, чтобы и в наши дни эти «две вещи», изумлявшие философа, не исчезали из современной жизни. Многих героев этих рассказов, к сожалению, уже нет в живых. Но я помню их яркие образы, талант, душевную щедрость и неуёмное желание совершить в искусстве что-нибудь необыкновенное.

Во вторую часть книги с названием «Послание Исмагилу» входят рассказы о родственниках: о моём дедушке Масалиме Смакове, которого я никогда не видела, о моих маме, папе, дядях, тётушках, двоюродных, троюродных братьях и сёстрах. О многих из них мне рассказывала моя мама, Заужян Масалимовна Хуснутдинова. Я помню её живой, тёплый голос, интонацию, с какой она рассказывала о разных людях,

о ком-то – почтительно, уважительно, о ком-то – со смехом или даже с насмешкой. Многих из этих людей давно нет в живых, но я хочу о них помнить... Нынешнее юное поколение, проводящее так много времени в Интернете, поглощающее в огромных количествах всяческую информацию, наверное, должно знать и свою родословную, людей своего рода. Тех, кто жил давно и сравнительно недавно, во второй половине XX, в начале XXI веков. Я пишу сказки, стихи, рассказы, сценарии. Есть у меня одно крошечное стихотворение: «На столбе между Европой и Азией сидит птичка, щебечет. И поёт, и щебечет. И в Европе, и в Азии». Подруга говорит: «Это ты!»

Роза Хуснутдинова

Часть первая

Портреты

Штопальщик времени

Узик остановился у края впадины, тянущейся вдоль степной дороги километра на два, оставил меня возле одинокого геодезического столба, торчащего как указующий в небеса перст, и уехал обратно, в посёлок. Я должен был за день сделать новые замеры, нарисовать карту этого квадрата, начальник сказал, что впадина постепенно углубляется и прежняя топографическая карта неверна. Я установил прибор, определил координаты, широту и долготу местности, и прильнул к окуляру. Данные я записывал на планшетку, которую взял с собой.

Часа через два я проголодался и решил передохнуть. Вынул из рюкзака бутылку с водой, налил в котелок и решил разжечь костёр. Вокруг была сухая глинистая земля вперемешку с камнями, но кое-где меж камней виднелись пучки засохшей травы. Я нарвал траву, разжёг огонь и подождал, пока вода в котелке закипит.

Потом налил её в бумажный стаканчик с быстрорастворимым супом, закрыл крышкой и стал ждать, пока он «дойдёт». Разложил на полотенце, взятом из гостиничного номера, лепёшки, изюм, плавленый сырок.

Вокруг было очень тихо, лишь раза два наверху, за краем впадины, где я работал, просвистел суслик, несколько раз над головой пролетела перепёлка. Вдруг я услышал цоканье

копыт, обернулся и увидел приближающегося ко мне всадника. Откуда он взялся? По виду – чабан, одетый в овчину и штаны из телячьей кожи. Лицо скуластое, смуглое, смоляные волосы рассыпаны по плечам.

«Наверное, чабан», – подумал я.

– Салям! – приветствовал я его и, помня законы степного гостеприимства, предложил разделить со мной трапезу, показал рукой на костёр и место рядом с собой.

– Салям! – ответил он глуховатым голосом, спешил, отпустил лошадь и уселся по другую сторону костра.

– Из Аксая? – спросил я. Посёлок был в километрах трёх отсюда, утром мы проезжали мимо него в машине. – Чабан?

– Я – штопальщик времени, – ответил он, глядя на меня ясными глазами и разламывая лепёшку пополам.

Я замер.

– Пшеница, – сказал он, пробуя лепёшку. Попробовал изюм.

– Изюм, – кивнул.

– Если вы не из Аксая, то откуда? – спросил я осторожно.

– Сейчас – из времени тюргешей и карлуков. Где-то между ними.

– И какой это век? – улыбнулся я.

– Шестой-восьмой века нашей эры.

– А что вы там делали? – спросил я самым безмятежным голосом.

– Там прохунилось время, я его штопал, – ответил он, жуя

лепёшку.

– Почему же оно прохудилось? – всё-таки не смог я скрыть своего насмешливого тона.

– Сведения об этом времени находились лишь в одном горном монастыре в Гималаях. Недавно там случился пожар, свитки сгорели. Нигде больше не написано об этом времени. Когда такое случается, возникает дыра. Вот я и направился туда штопать её.

– Удалось заштопать? – спросил я.

– Да.

– А как это вы сделали?

– Встал у края дыры, у начала седьмого века, и просмотрел его целиком. Записал главные события на новый свиток. Теперь должен добраться до монастыря, оставить свиток там.

– Просмотрели весь седьмой век? Перед вами прошло сто лет? – рассмеялся я.

– Седьмой век прошёл, пока я семь раз мигнул ресницами, таково моё свойство, потому я и являюсь штопальщиком времени, – ответил он, разделяваясь со второй моей лепёшкой.

– Что-то вроде ускоренной съёмки в кино? – спросил я.

Он непонимающе смотрел на меня.

– Какое именно время вы штопаете? – я решил разговаривать на его языке, играть, так сказать, по его правилам. Если даже он сумасшедший, то образованный и говорит складно.

– С первого тысячелетия до нашей эры, – ответил он. – Правда, последние сто лет относятся к другому штопальщику.

– Есть ещё и другие штопальщики? – изумился я.

– Да. Но я с ними не знаком.

– И вы знаете всё об этом времени? – я решил поймать его.

– Да, – кивнул он.

– Чьи это строки? – спросил я и продекламировал стихи, которые сам читал когда-то в компаниях, когда учился в институте:

Будь весел с черноокою вдвоём,
Затем, что сходен мир с летучим сном.

– Рудаки. Десятый век. Эпоха Саманидов, – ответил он.

– А когда жили кидани?

– После сельджуков, двенадцатый век.

Я схватил планшетку и нашёл там страничку со своими рисунками, недавно я перерисовал каменную роспись в пещере, неподалёку отсюда.

– Что это?

– Это богиня Умай, – сказал он, взглянув на рисунок. – Богиня плодородия у тюркских народов.

Мы помолчали. Всё-таки одет он как самый обыкновенный чабан.

– А почему вы так одеты? – спросил я. – Не в какой-ни-

будь парчовый халат, в дорогие меха? У вас такая важная миссия...

– Так удобнее, – ответил он. – Так одевались чабаны во все времена.

– А нет ли у вас чего-нибудь из того времени, где вы побывали? – загорелся я. – Хотелось бы взглянуть... Может быть, какая-нибудь монетка времён Кушанского царства или бронзовая застёжка, серёжка...

Человек посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Вынул из-за пазухи веточку, протянул мне. От веточки исходил такой знакомый душистый горьковатый аромат!

– Полынь! – ахнул я. – Емшан-трава!

– Да, проезжал недавно большое поле, – сказал он.

– А где было поле? В какой стране? – спросил я.

– Дешт-и-Кипчак.

– Там жили будущие казахи?

– А также татары, кумыки, балкарцы, карачаевцы, якуты, чувашаи, гагаузы, многие...

Он поднялся и свистнул. Лошадь подошла к нему.

– Мне пора, – сказал «чабан». – Рахмат. Я рад, что вкус хлеба не изменился. И изюм тот же.

Опять где-то наверху нежно просвистел суслик, над нашими головами пролетела парочка перепёлок.

– Рад, что суслики ещё живут в степи и птицы летают. Сау бул, друг. Может, ещё увидимся.

Он вскочил на лошадь, взял её под уздцы и поскакал

прочь.

Я смотрел ему вслед. Он был абсолютно реальным. Ничто не просвечивало сквозь него. Ни звёздное небо, ни расплывающийся в лучах заката степной пейзаж... И цокот копыт слышался ещё долго. А потом всадник ускакал в глубь каменистой впадины, растаял в желтеющих сумерках.

Когда вечером я возвращался на узике в посёлок, рассказал водителю, что днём видел странного чабана, который показался мне просто сумасшедшим.

– А в Аксае много сумасшедших, – сказал, усмехнувшись, водитель, – особенно после испытаний на Семипалатинском полигоне...

Поздно вечером в гостиничном номере я включил телевизор. Показывали «Клуб кинопутешествий», праздник в окрестностях Лхасы в Тибете. На праздник съезжались местные жители, на лошадях, яках, с шерстяными пледами на плечах, тут же были гости-иностранцы, некоторые – с кинокамерами. Показали крупным планом каменистую пустынную дорогу, по которой ехала семья тибетцев: мужчина с мальчиком, верхом на лошади, и женщина с девочкой на руках. Позади них, чуть отстав, ехал верхом ещё один мужчина. У него было скуластое смуглое лицо и смоляные волосы до плеч. Одет он был в овчину и штаны из телячьей кожи. Сначала я принял его за местного жителя, но потом пригляделся и узнал. Вдали высились величественные стены горного монастыря с пагодой.

Праздник должен был начаться в полночь. Ожидалась ночь полнолуния.

Ночью я вдруг проснулся. Внезапно вспомнил, что у моего дедушки был отец, говорят, богатырского телосложения и необыкновенных талантов. Фотографии его в нашем семейном альбоме не было, мама рассказывала о нём как-то таинственно и туманно. Кажется, были какие-то документы, но они исчезли в архивах госбезопасности много лет назад. Но ведь можно их, наверное, разыскать?! Восстановить связь времён, так сказать! Может, и я могу стать штопальщиком времени, хотя бы в пределах своего рода...

Мгновение

Ты сидишь в маленькой комнате в современном многоэтажном доме из стекла и бетона, окружённая знакомыми вещами, держа в руке журнал, чашку чая, бездумно глядя на книжные полки, акварель на стене, цветы в вазе. Кажется, ничего не происходит, ты ни о чём не мечтаешь, не вспоминаешь, не размышляешь, нет в этот миг ни прошлого, ни будущего... Вдруг за окном пролетает птица, чуть не задев крылом стекло. Ты вздрагиваешь, смотришь вокруг себя проснувшимся взглядом, ты чувствуешь, как бьётся твоё сердце, пульсирует кровь в висках, горяча ладонь. Тебе внезапно хочется действий, поступков, точных ярких слов. Ты ищешь бумагу, ручку, ищешь слова, ты тут же хочешь написать рассказ о женщине, похожей на тебя, жившей, однако, в седьмом или девятом веке... Может, она правительница и живёт в причудливом, похожем на драгоценный камень, брошенный в песках, дворце с галереями вдоль стен, там комнаты с зарешеченными окнами устланы мягкими узорными коврами, а стены обиты нежным переливчатым шёлком, и пахнет благовониями и осыпающимися лепестками роз... Написать о её прогулках по ночному прохладному саду, об её томительных взглядах в ночное небо, усеянное яркими, неправдоподобно большими звёздами, такие можно увидеть только в тех южных широтах... Написать о её смя-

тении, мечтах, тоске... Она мечтает окружить свой трон возвышенными, благородными людьми, она хочет покровительствовать поэтам, художникам, учёным, философам, хочет править своим народом справедливо! Увы, мечты эти несбыточны, жизнь правительницы коротка, её правление недолговечно. Как всегда – козни врагов, борьба между собой приближённых к трону, за власть, за богатство, за сферы влияния, может, и её собственные ошибки... И лишь стихи, написанные ею, каким-то чудом сохранившиеся до наших дней, передают её переживания, размышления, они искренни, поэтичны, в них сохранился аромат её эпохи... А, возможно, ты увидишь перед собой совсем не эту правительницу, а солнечный октябрьский день в Египте, Долину царей и храм царицы Хатшепсут, высеченный в скале, увидишь золотой трон фараона Тутанхамона в Каирском музее и бесчисленных скарабеев, золотых, серебряных, сердоликовых, под стёклами витрин в залах этого музея... Увидишь жёлтую Ливийскую пустыню на пути из Каира в Александрию, рассвет на священной реке Ганг в городе Варанаси, погребальные костры индийцев на берегу великой реки, и свою зажжённую свечу на листочке баньяна, уплывающую вдаль... Увидишь серые, совсем не жёлтые пески под Ашхабадом и свою подругу-туркменку в бархатном платье вишнёвого цвета, сидящую на песке и увлечённо рассуждающую о повести «Джан» Андрея Платонова, так понравившуюся ей. Увидишь узкую каменистую улочку в старом Баку, где с одного балкона с чу-

гунной узорной решёткой легко перекинуть пачку денег на противоположный балкон – как плату за соучастие в ограблении прохожего, за взлом сейфа, за похищение красавицы, – есть такие улочки в старом Баку, где сам воздух насыщен опасностью и приключениями... Ещё ты можешь увидеть современный, отстроенный после землетрясения, такой безликий район в Ташкенте – Юнусабад и трёхэтажную бетонную школу, построенную почему-то в яме, так что каждую осень жёлтые листья бесчисленных тополей с окрестных пустырей засыпают стены школы чуть ли не до окон первого этажа... И, наконец, ты видишь белую мечеть с зелёным остроконечным минаретом в твоей Уфе на берегу реки Белой, видишь старинные постройки торговых рядов в центре города, у бывшего трамвайного кольца и рельсы, по которым движется старый трамвай, первый номер, и он останавливается у деревянного дома с тёмными резными воротами... Но потом ты вспоминаешь, что дома уже нет, он давно снесён, и ты никогда больше не поднимешься по ступенькам деревянной лестницы на второй этаж, не откроешь дверь в освещённую утренним солнцем комнату, не увидишь величавый тополь за окном, и лиц дорогих тебе людей, они рассеялись по всему свету, а иных уже и нет в живых... В этот момент тебе становится по-настоящему грустно... Но за окном опять пролетает птица, чуть не задев крылом стекло, и ты замечаешь, что сидишь сейчас в своей комнате, в многоэтажном большом доме в городе Москве и слышишь, как неумолчно

звонит телефон... Ты поднимаешься и идёшь ответить тому,
кто звонит...

Восемь узбекских халатов

Первый узбекский халат из ткани бекасам синего цвета Дина подарила двоюродному брату Ринату на день рождения. Через неделю жена Рината позвонила и сказала: «Слава Аллаху, спать начал в твоём халате! А то замучил нас своей бессонницей. Теперь, как вернётся с работы из Верховного суда, поужинает, наденет твой халат и закрывается в спальне, засыпает... А ночью просыпается и садится работать, папки с делами преступников читает...»

Второй халат Дина подарила мужу своей подруги Нелли, родом из Баку.

– У нас не квартира – склеп! – жаловалась Нелля. – Все непрерывно простужаемся. А теперь Юра возвращается с работы, надевает твой халат и не снимает до самого утра, пока опять на работу не надо. Повеселел. Говорит, может, миллион заплатят за наше изобретение. Я говорю – пусть не миллион, пусть хоть тысячу дадут!

Третий халат подошёл Майе. Прохладным летним вечером она пришла к Дине в гости, включила магнитофон, задала несколько вопросов, на которые Дина, как могла, ответила, получилось интервью. Потом Майя призналась, что у неё сердцебиение и озноб. Дина вынула из шкафа узбекский халат необычного зелёного цвета, присланный недавно родственницей из Ташкента и накинула на плечи подруге. Майя

с бледным лицом, ярко-синими глазами, с коротко стриженными пепельными волосами подошла к зеркалу, посмотрелась в него и сказала: «Этот халат можно носить как пальто. Пришить одну большую пуговицу, накинуть на шею шарф, и все поверят, что это пальто. А то муж – лауреат Госпремии, а пальто купить не на что!»

И всю осень Майя проходила в этом «пальто» на работу, в Киноцентр, вызывая восхищение своих и приезжих кинематографистов. «Советские женщины очень изобретательны!» – сказал ей режиссёр из Швеции.

Четвёртый халат примерил Серго Баяндур. Когда в начале апреля Дина прилетела в Ереван, с тем, чтобы отправиться дальше в Дом творчества под Дилижаном – писать очередной сценарий, она привезла с собой две сумки, одна из которых была набита пачками чая, кофе, печенья, конфет – словом, всем тем, что могло понадобиться в неизвестном Доме творчества, в котором кормят неизвестно чем. Во второй сумке лежали два платья и ватный узбекский халат, взятый на тот случай, если в этом горном Доме творчества будет прохладно. После изысканного ужина в ереванской квартире семьи Баяндур (ужин состоял из жареного в сметане карпа, крупно нарезанных листьев салата, перемешанных с чесноком и простоквашей) и ароматного чая, поданного в настоящих китайских пиалах, Дина спросила семидесятилетнего улыбающегося Серго Баяндур, приходилось ли ему когда-нибудь в жизни надевать настоящий узбекский халат? На

что хозяин дома правдиво ответил: «Нет». «Нет!» – вскричали за ним Ага, Ашот, Анаит, Арч и маленькая Маро, большой Маро в это время дома не было. И тогда Дина вынула из сумки сверкающий синий халат с подкладкой из ситца в мелкий голубой цветочек, и все по очереди примерили его. Лучше всего он сидел на плечах Серго Баяндур. «Серго-джан, ты султан!» – провозгласил Ага. И Дина подарила халат этому человеку, с неизменной улыбкой взирающему на своё пылкое неуправляемое семейство. Уехав в Дом творчества, Дина узнала, что халат перекочевал в мастерскую Ашота: когда тот начинал чувствовать прилив вдохновения, он облачался в этот волшебный халат и уверенной рукой наносил краски на безжизненный холст.

Пятый халат достался Соне Губайдуллиной, за год до того, как начались её концерты в Лондоне, Париже, Вене. Как-то она пришла в гости к Дине, у которой уже сидели за блинчиками с вареньем Анаит Баяндур и Ага. Соня начала рассказывать о музыкальном фестивале в Дрездене, где побывала недавно. Рассказывала о старинных улочках, о весёлых, талантливых и доброжелательных музыкантах, фестиваль стал поистине праздником музыки, а не изнурительным состязанием музыкантов, изматывающим борьбой за призовые места... Дина, Анаит и Ага слушали мелодичный голос Сони, слегка напоминающий голос Марии Бабановой (читающей «Маленького Принца» Экзюпери), смотрели на её радостное похорошевшее лицо и ощущение близкой разлуки охватило

их. Чтобы прогнать это грустное настроение, Анаит, потрянув гордой головкой с вздыбленными искусственным парикмахером кудрями, громко потребовала, чтобы Дина продемонстрировала гостям свои новые наряды, полагая, что и другие, как она, меняют гардероб каждый месяц. Дина ответила, что никаких новых нарядов нет, но есть узбекский халат, присланный недавно из Ташкента. Примерили халат Соне, она засмеялась и сказала, что в нём очень тепло и уютно, никакого душевного напряжения, и, наверное, в нём хорошо сочинять музыку... Вечером она отправилась в этом халате к себе домой, на Преображенку. И когда через год Дина, Анаит и Ага пришли на её концерт в консерваторию, они убедились, что Соня теперь знаменитость: она стояла в подъезде Малого зала консерватории в окружении многочисленных поклонников музыки, с букетами роскошных цветов в руках, и только улыбка на её лице была прежней, очень искренней...

Шестой халат Дина подарила мужу своей племянницы из Уфы на свадьбу. Пусть висит этот сверкающий как синее небо Средней Азии халат в скромной малогабаритной уфимской квартирке как напоминание о других местах, в которых надо побывать, надо, надо увидеть когда-нибудь собственными глазами Хиву, Самарканд, Бухару, Мекку, Медину. К этому халату Дина добавила папирус, привезённый из Египта, с рисунком фараона и его молодой жены. Оказалось, что уфимские молодожёны чем-то похожи на эту царственную чету, изображённую на папирусе.

Седьмой халат Дина собиралась подарить Андрею Битову, писателю, на его пятидесятилетие. Но на вечере, устроенном в честь этого события в Центральном доме литераторов, отдать подарок не удалось, писатель был окружён многочисленными поклонниками, друзьями, критиками... Затем он уехал в Токио, Копенгаген, Южную Корею, Америку... И Дина рассудила, что подарок можно вручить и лет через десять, когда юбиляр вернётся из кругосветного путешествия, насытившись всеми мыслимыми и немыслимыми впечатлениями современной цивилизации, когда ему захочется уединиться в своей московской (не путать с ленинградской и тбилисской) квартире, отключить телефон, запретить дверь на тяжёлый засов и, облачившись в уютный ватный халат, засесть за любимый старинный письменный стол, писать новую книгу, самую-самую...

Восьмой халат Дина подарила матери, приехавшей из Казани. В этом халате мать сидела на лоджии, обозревая московские окрестности. И по вечерам, сидя перед телевизором, внимательно слушая программу «Время». «Когда меня не станет, халат никому не отдавай, – сказала она Дине. – И больше халатов никому не дари, хватит, женщины нашего рода во всём знали меру, и когда влюблялись, и когда ссорились, и когда дарили что-нибудь на память. Так что не превеличивай щедрость своего сердца, позволь и другим проявить её...»

Цветок пустыни

– Эти пресловутые верблюды, – сказала, улыбаясь, Гультэч, подавая мне пиалку зелёного чая.

Мы сидели на покрытой ковром деревянной тахте в пыльном саду на окраине Ашхабада, во дворе родственницы Гультэч Соны, полной сонной женщины в вишнёвом платье до пят, с бесчисленными серебряными украшениями на шее, в ушах и руках.

За двором на пустыре паслось несколько тощих верблюдов, и я сказала Гультэч, что, наконец-то я вижу настоящих верблюдов, давно мечтала увидеть настоящую пустыню.

– Эта пресловутая пустыня! – засмеялась Гультэч. – Но это ещё не пустыня, до неё ехать часа два. Это пока окраина Ашхабада, моя пресловутая татарка!

– Почему ты всё время говоришь это слово – «пресловутые»? – удивилась я.

– Просто, глядя на тебя, вспомнила Москву! Когда я в первый раз пришла в Литинститут, услышала, как одна преподавательница сказала другой: «Эти пресловутые студентки из Средней Азии...» Я тогда не знала этого слова. А помнишь ещё словечко «гениально»? Его тоже часто произносили. «Старик, ты написал гениальный роман! Гениальный рассказ! Гениальное стихотворение!» Где теперь эти гении?

– Ты как-то мрачно об этом говоришь, – заметила я. – А я

читала в журнале твою повесть «Утро моей жизни». Понравилось. Прозрачный язык. Прелестные образы. Сразу захотелось увидеть пустыню, как ты её описала.

– Это Нина хорошо перевела, – сказала Гультэч. – Она у нас лучшая переводчица с туркменского. Очень хорошая и умная женщина. Но ей здесь нелегко.

– Почему?

– Не замужем. Здесь это нехорошо.

– Зато ты замужем! – сказала я. – За писателем. И сама писательница.

Лёгкая тень пробежала по лицу Гультэч.

– Видишь вон ту верблюдицу с раздутыми боками? – вытянула она руку. – У неё скоро родится верблюжонок. А я два года замужем за Берды, а у нас ещё нет детей. Здесь это – нехорошо!

Сона принесла блюдо с виноградом, дыню и лепёшки. За подол её платья цеплялся голый смуглый малыш, который хныкал, просился на руки.

Сона подняла его на руки и, убаюкивая, унесла в дом.

– Это у неё седьмой, – сказала Гультэч.

Верблюды на пустыре чуть передвинулись и снова застыли, наклонив головы к земле. Что они находили в этой растрескавшейся от жары глине?

– Видишь ли, я попала в капкан, – звенящим голосом произнесла Гультэч. – Оказывается, раньше я была свободна как птица! А теперь, когда я выучилась в Москве, написала эту

повесть, её напечатали – я уже должна написать роман, повесть, выпустить книгу... Тут нет писательниц, я единственная, меня сразу ввели в «Женсовет», в редакцию женского журнала, вызывают в ЦК, спрашивают, над чем я работаю... В редакции трудимся только главный редактор и я, остальные сотрудники – жёны ответственных работников, придут на час, попьют чай, посплетничают и уйдут... Ещё я должна ухаживать за Берды, он пишет роман о тружениках Каспия, Берды каждый день хочет есть пельмени, даже в сорокаградусную жару... Из кишлака приехали мои племянники, их надо устроить в институт... Но главное – я должна родить ребёнка, иначе придётся уехать в Москву, учиться ещё где-нибудь. Но расскажи лучше о себе. Ты приехала по делам?

Я сказала, что меня вызвали на киностудию, моим сценарием заинтересовался местный режиссёр, говорят, талантливый.

– Если ЦК не понравится твой сценарий – не поставят, не надейся, – уверенно сказала Гультэч.

Я похвасталась, что купила хорошие книги. Зашла в какой-то магазин, совершенно пустой, и вдруг увидела на полке Акутагаву, Лорку, Андрея Платонова... Конечно, купила.

– Я тоже подписалась на редкие книги, – сказала Гультэч, – вопрос только в том, буду ли я их читать...

– Почему? – удивилась я.

– Ну! – улыбнулась она. – Просто здесь совсем другая жизнь, чем в Москве. Вот скажи, как думаешь, Лиля Брик

любила Маяковского или нет?

Я пожала плечами.

– В первый год учёбы в Москве мы всё время спорили с узбечкой, любила ли Лиля Брик Владимира Маяковского или только уважала, за талант? Как пойдём с ней в душ, сначала поём песни, я – туркменскую, она – узбекскую, под шум воды так хочется петь, дом вспоминаешь... А потом спорили с ней. Зухра кричит: «Не любила она Маяковского, не любила!» А я кричу: «Откуда ты знаешь? Может, всё-таки любила?!» И так рассоримся, два дня потом не разговариваем! Так же спорили с ней насчёт Айседоры Дункан и Есенина, нас почему-то это очень занимало! Ну, конечно, не только это... Представляешь, я плакала, когда услышала, что Велимир Хлебников перед смертью сказал: «Степь меня похоронит!» Так сказать мог только поэт, гений! Я так жалела, что не застала в живых Андрея Платонова, оказывается, он жил как раз во дворе Литинститута. Когда я прочла его повесть «Джан», чуть с ума не сошла! Как русский человек мог так понять душу чужого народа? Так описать пустыню?!

Из дома вышла Сона, принесла большие пиалы с горячей шурпой, густо посыпанной зеленью, поставила перед нами, снова ушла в дом.

Я сказала, что хочу съездить в Куня-Ургенч, посмотреть на мавзолей Султана Санджара. Потом – в Нису, посмотреть памятники. Вообще, хочу пожить в настоящей пустыне. «Может, миражи увижу?» – пошутила я.

– Хочешь увидеть миражи? – спросила Гультэч и улыбнулась какой-то непонятной улыбкой. – Миражи и здесь есть. Смотри вон туда, – показала она рукой на холм, возвышающийся вдаль. – Только подождём, когда солнце закатится.

Гультэч устремила напряжённый взгляд в ту сторону, где небо было розовым от заката. По пескам заструились волны розового света. Шар солнца опустился за дальний холм, сразу наступили сумерки.

Гультэч взялась пальцами за оправленные серебром коралловые бусы на шее и сказала шёпотом несколько слов по-туркменски, я разобрала лишь слово «килегез» – приходите!

И вот из-за далёкого холма показалась человеческая фигурка, направилась к нам. Она становилась всё ближе, человек был одет в джинсы и зелёный свитер, у него были синие глаза и замечательная улыбка на всё лицо.

– Лёня Черевичник! – ахнула я.

Лёня Черевичник приближался к нам, и вот уже почти вошёл во двор, но тут будто наткнулся на невидимую преграду. Шагнул в сторону и скрылся за углом дома Соны.

– Да, это Лёня, – улыбнулась Гультэч. – Я часто его вспоминаю. Какой прекрасный человек! Как он меня всегда защищал! Если я плакала, что у меня не выходит рифма, он мне говорил: «Да забудь ты про рифму! Пиши белым стихом!» Говорят, он в Ригу уехал?.. А это кто, узнаёшь?

Из-за холма показалась вторая фигура, очень высокая, нескладная, чуть неуклюжая в движениях.

– Он даже в пустыне старается быть вежливым, пропустить кого-то впереди себя! – засмеялась Гультэч. – Матс Траат, наш знаменитый эстонец.

Человек приблизился, и стали видны его стриженная голова, синие глаза, размашистые движения. Одет Матс был в чёрный костюм и белую рубашку.

– Помнишь, как после занятий вечером он всегда спешил в театр? – сказала Гультэч. – Все в общежитие, повеселиться, походить в гости друг к другу, выпить, а Матс – в театр! И уже тогда написал роман. Он теперь в Таллине, кажется... Не знаю, попаду ли я когда-нибудь в Таллин...

Матс приветственно помахал нам рукой, и тоже, будто натолкнувшись на невидимую преграду, остановился, свернул в сторону, скрылся за углом дома Соны.

В сгущающихся сумерках показалась ещё одна фигурка, стремительно понеслась к нам. Стали различимы молодецкие движения, подпрыгивающая походка, энергичная жестикация рук, раскосые синие глаза.

– Самыков! – засмеялась Гультэч. – Вася Самыков, не приближайся! Отправляйся к себе на Алтай! Займись историей алтайских тюрков. В пустыне тебе не место!

Самыков укоризненно взглянул на неё, рванулся вперёд, но невидимая преграда остановила и его. Грустно покачав головой, он исчез за домом Соны.

– Когда хочу вспомнить Москву, всегда приезжаю сюда и вижу всех, кого хочу увидеть, – сказала задумчиво Гультэч. –

Всё-таки хорошее было время, когда мы жили в общежитии на Руставели...

Стемнело. Звёзд на небе совсем не было видно. Казалось, наступила полная тьма и тишина. Но вот во тьме слышался лёгкий серебристый звон, drobный топот копыт, к нам издалека стремительно приближался великолепный всадник в светящихся доспехах, со сверкающим мечом в руке.

– Парфянский всадник! – сказала Гультэч. – Здесь неподалёку экспедиция Сарияниди. Говорят, археологи нашли много ценных вещей...

Парфянский всадник развернулся и поскакал прочь от нас, разбрызгивая снопы искр, светясь в темноте золотыми сполохами, потом звон и топот копыт стали затихать, исчезли вдали.

– Гультэч, последний автобус отходит через десять минут, – сказала Сона, появившись в дверях дома. – Или ты останешься здесь ночевать?

– Нет, что ты, Берды это не понравится, – вздохнула Гультэч и поднялась с тахты.

Через несколько лет мы снова встретились с ней в Алма-Ате, на союзном кинофестивале. Она выглядела пополневшей, более добродушной, чем раньше, исчез нервный острый блеск в глазах, порывистость движений, на ней было много серебряных украшений и туркменское вишнёвое платье до пят. Гультэч рассказала, что у неё два сына, один уже учится в школе, в журнале напечатали две её новые по-

вести, Берды много работает. Он пишет очередной роман о тружениках Копет-Дага. Да, он по-прежнему любит пельмени и готов есть их каждый день.

Я спросила Гультэч, ездит ли она на окраину Ашхабада к своей родственнице Соне смотреть миражи.

– Ну, – улыбнулась Гультэч, – теперь на этом месте построили стадион. Да и были ли эти миражи? Может, нам только показалось?

«Цветок пустыни» – так назвал её в институте кто-то из сокурсников, увидев, как она идёт по длинному коридору общежития на улице Руставели в бархатном вишнёвом платье до пят с мокрым полотенцем на голове, закрученным в виде тюрбана, держа в руке таз с бельём, в сопровождении подруг – узбечек, таджичек, каракалпачек, таких же томных и благоухающих, как она, щебечущих на своих непонятных «птичьих» языках. Эти пресловутые студентки из Средней Азии...

Клара и Кубат

В жарком городе Фрунзе, в пыльном микрорайоне, в бетонном доме, на линолеумном полу, на вытертой кошке, в продуваемой насквозь комнате сидела Клара Юсупжанова, актриса и режиссёр киргизского документального кино. Она вязала из синего и красного клубочков шерсти шапочку для дочери Джамбы, прогуливающейся в этот момент далеко отсюда – на Воробьёвых горах вблизи Московского государственного университета. Её сопровождали подруги – чешка и немка, однокурсницы, тоже оставшиеся на каникулы в Москве. Рядом с Кларой на полу стоял медный поднос с чайником и маленькой изящной пиалой, на циновке лежала постель, прикрытая клетчатым пледом. В углу стояла трёхлитровая стеклянная банка с букетом из нежного облачка мелких сиреневых цветочков. Двери комнаты были распахнуты настежь, и через коридор начинались владения Кубата, мужа Клары, писателя и драматурга, лежащего в это время на полу, на кошке с ярким рисунком – подарке родственников с Алайских гор. Рядом с Кубатом стоял узкогорлый индийский кувшин с засохшей веточкой багульника и стопка книг, слегка припорошённых пылью, готовых вот-вот обрушиться на него.

– Однажды Маркес, Борхес и Хулио Кортасар вошли в кафе «Ротонда», что в Париже, – мечтательно произнёс Кубат.

– Послушай, мне не дают плёнку, как я буду снимать фильм? – отнюдь не мечтательно произнесла Клара.

– А навстречу им – Марио Варгас Льюса, тоже замечательный писатель, будущий кандидат в президенты! – продолжал Кубат. – Если бы Илья Эренбург был жив, он бы написал ещё один том своих воспоминаний!

– Ты вот всё выдумываешь истории про знаменитых писателей, а про тебя никто не выдумывает. Потому что тебя не знают. А если бы ты напечатал свой второй роман – узнали бы! Вставай, отнеси рукопись хотя бы машинистке...

– В такую жару? – удивился Кубат. – Идти через площадь Ленина? По ней шагаешь, шагаешь – ни дерева, ни кустика. Один памятник вождю как пирамида Хеопса! Не пойду.

С базарчика за домом раздались крики, ругань, свистки милиционера и всё перекрывающие звуки зажигательной индийской музыки.

– Если бы ты опубликовал этот роман, вступил бы в Союз писателей. Мы бы переехали в центр города, в лучшую квартиру, а не мучились в этом бетонном доме, где живут одни алкаши, торгаши...

– И тихие киргизские женщины, – добавил Кубат.

– Как же, тихие! Вчера Алтынай из пятой квартиры расквасила нос своему Аману!

– Клара, у меня в комнате пыль! – сухо произнёс Кубат. – На полу, на книгах, везде!

– Я не войду в твою комнату и не вытру пыль, пока ты

не поедешь к машинистке. Я бы сама напечатала, но у нас же нет пишущей машинки! У нас даже кровати нет, спим на полу!

– Купи кровать, деньги на это у тебя есть.

– Одной кровати мало, – возразила Клара, – к кровати надо прибавить стол, стулья, диван, шкаф...

– Зачем так много мебели? – пожал плечами Кубат. – Вот у нас на Алае...

– Знаю, знаю, у вас на Алае одной кошмы хватает на всех! Ну как ты не хочешь понять, что если ты напечатаешь эту книгу, мы купим нашей дочери шубу, шапку, джинсы, сапоги, и она не будет ходить по Москве как нищенка!

– Она и не ходит как нищенка. Она одета, обута, у неё есть всё, что нужно. И потом она красавица, умница, её все любят...

– Все, кроме тебя! – отрезала Клара.

– Э-э, – покачал головой Кубат, отвернулся от двери и раскрыл книгу, всё-таки свалившуюся на него. Это была «Махабхарата».

По улице мимо окна пробежал кто-то, топоча сапогами, с криком «убью!», затем последовал женский крик и всё смолкло.

– У дяди Коли выходной, гоняется за Марусей, – покачала головой Клара.

Кубат приподнялся, выглянул в окно. Неподвижные ветви серебристых тополей, растущих по всему двору, надёжно

прикрывали собой неприглядные картинки дворовой жизни. Отсюда казалось, что внизу тихо и безмятежно, прохладный зелёный оазис посреди выжженного солнцем пустыря.

– Уехать бы на Алай, построить там дом и поселиться в нём, – мечтательно произнёс Кубат.

– Одному? – спросила Клара.

Ответа не последовало. Клара потянулась к изголовью постели, вытащила из-под подушки целлофановый пакет. В нём она хранила документы, фотографии. Нашла одну из них, слегка выцветшую, переснятую из какого-то иностранного журнала. Здесь Кларе было лет двадцать: мечтательный взгляд, нежное лицо, полураскрытые губы...

– Я бы тоже могла не выходить замуж за надежду киргизской литературы, – сказала она, – а сниматься дальше в кино и стать заслуженной артисткой республики!

Из комнаты Кубата не донеслось ни звука.

– Один студент из ФРГ написал мне в письме, что я самая красивая актриса в мире! Предложил выйти за него замуж. Вот поехала бы к нему и жила бы сейчас в ФРГ как кинозвезда!

Комната Кубата безмолвствовала. Он лежал на кошме, глядя в пожелтевшую страницу «Махабхараты», купленной у букиниста год назад, но ещё не прочитанной до конца. Сейчас он вспоминал свой аил в Алайских горах, мать, сестру, племянников, домик у подножия заснеженной горы, на крышу домика медленно и красиво падал снег – так же красиво,

как на деревушку в чудесном японском фильме «Легенда о Нараяме», этот фильм он видел на Высших сценарных курсах в Москве. Да, хорошо сидеть в глинобитном тёплом доме, на кошке, возле печки, слушать тихие разговоры матери и сестры, возню племянников среди одеял и подушек, рокотание и хрипы старого приёмника – единственной вещи, связывающей дом с большим миром. Может, не надо было спускаться с гор в этот мир, в пыльный жаркий город с его бестолочью, суетой, с мраморными гигантскими зданиями ЦК и правительства в центре города, с унылыми жалкими коробками многоэтажек в микрорайонах, с исчезающими садами и скверами, с наглыми шашлычниками на перекрёстках улиц, с Союзом писателей – этим змеиным гнездом, где все воюют друг с другом. Стоит выпустить одну оригинальную книгу, и тебя готовы задушить, отравить, зарезать из-за угла... Может, в самом деле уехать в аил, захватив с собой любимые книги – Борхеса, Маркеса, Кортасара, а из отечественных – своих сокурсников по Высшим сценарным курсам – Битова, Маканина, Матевосяна... Вспоминать лучшие фильмы, виденные на курсах – «Ночь» Антониони, «Восемь с половиной» Феллини, «На последнем дыхании» Годара... И писать рассказы, новеллы, толстые романы...

В большой комнате зазвонил телефон.

– Междугородный! – вскочила Клара.

Она поспешила в комнату, где на циновке лежал разбитый, обвязанный шнуром, но всё ещё работающий телефон.

– Это тебя! – обернулась Клара к мужу. – Из Москвы.

Кубат не спеша поднялся, подошёл к телефону.

– Кубат, почему не высылаешь рукопись? – раздался в трубке басовитый спокойный голос редактора отдела прозы известного московского издательства. – Я поставил тебя в план, а рукописи нет.

– Роман ещё не переведён, – помолчав, ответил Кубат.

– Я нашёл переводчика, – так же спокойно продолжал голос редактора. – Выслал тебе договор заказным письмом. Подпиши и вышли обратно. Пока, старик! – и в трубке слышались гудки.

Кубат выпрямился. Лицо его сразу ожило, перестало быть таким сонным. Кларе даже показалось, что теперь он походит на индейского вождя из знаменитой картины Милоша Формана «Полёт над гнездом кукушки». Кубат такой же огромный, сильный, благородный, как тот индеец. Ну, может, чуть сутулится.

– Клара, белую рубашку! – звонко скомандовал Кубат и прошёл в ванную.

С силой отвернул кран, чуть не вывернув его совсем, с силой брызнул в лицо ледяной водой, крепко-накрепко вытерся шершавым полотенцем. Вернулся в комнату.

Клара протянула мужу свежевыглаженную рубашку и белые брюки.

– Белые? – удивился Кубат.

– Ты же идёшь в Союз писателей! Пусть там видят, что у

тебя всё в порядке, ты выходишь на международную арену!

Кубат улыбнулся, глотнул холодного зелёного чая из носика чайника и направился к двери.

– Дверь у нас разваливается, – сказал он, погладив рукой тонкие доски покосившейся двери, – вернусь вечером, почию!

Клара поднесла ему папку.

– Смотри, не потеряй рукопись, – сказала она. – Единственный экземпляр. Помнишь, как Хемингуэй потерял однажды рукопись в поезде? Поезжай на такси.

Кубат кивнул и стал спускаться по лестнице.

В комнате опять зазвонил телефон. Клара бросилась к нему.

– Юсупжанова? – раздался в трубке добродушный женский голос. – Это Мария Ивановна, из производственного отдела. Выделили вам плёнку на ваш фильм. Приезжайте забирать.

– Спасибо, Мария Ивановна, сейчас приеду! – ответила Клара ликующим голосом, положила трубку и, танцуя, направилась к окну.

Из зелёного оазиса дворовых деревьев на раскалённую асфальтовую дорожку вышел Кубат. Поднял руку жестом Жан-Поля Бельмондо и остановил машину. Такси резко затормозило, остановилось рядом с ним. Кубат обернулся, небрежно помахал Кларе и нырнул в машину. Умчался как ветер.

– Надежда киргизской литературы? – задумчиво произ-

несла Клара.

Юрта Нурлана

У старого Тулебая, живущего в ауле Сарычелек, что в двух часах езды автобусом от Алма-Аты, умер единственный сын Нурлан, учившийся в Москве на танцовщика. Сказали – попал под машину. Хоронить привезли в аул, помогли друзья-сокурсники Нурлана по институту. Один из них, Рашид, пробыл со стариками в ауле целую неделю, во время похорон и до седьмого поминального дня, передал деньги, собранные друзьями по институту, а уезжая в Москву, сказал, что памятник Нурлану уже заказали одному талантливому скульптору из Алма-Аты. Через месяц из Алма-Аты приехали на грузовике два незнакомых бородача, оставили во дворе Тулебая заказанный памятник – лёгкую, из тонких прутьев металлическую юрту, почти в натуральную величину, с дверцей, также из проволоки, с полумесяцем над верхним круглым отверстием. Юрта была выкрашена в серебристый цвет и походила на гигантскую клетку для птицы. Вместе с родственниками Тулебай отвёз памятник на кладбище, находившееся в километре от аула, на пологом склоне огромного, похожего на шлем холма, водрузил юрту на могиле сына. Юрта была видна издалека, особенно при восходе солнца, она светилась и будто парила над землёй. Памятник удивлял и аулчан, и незнакомых людей, проезжающих мимо.

Тулебай стал каждое утро ездить на кладбище. После

утреннего чая с лепёшками, жареным просом и каймаком он облачался в старый вытертый плюшевый чапан, надевал войлочную, побуревшую от времени шляпу, не без труда взбирался на смирную кобылку Берке и неспешно трусил по главной улице Сарычелека, здороваясь со всеми встречными. Потом выезжал из аула на большую, обычно пустынную дорогу и направлялся к холмам. Мягкие волнистые очертания зелёных, будто покрытых бархатом холмов чётко выделялись на ярко-синем небе. У подножия холма, где находилось кладбище, Тулебай останавливал Берке, слезал с неё и, вздыхая, то и дело останавливаясь, вытирая лицо и шею платком, поднимался на вершину холма. Подходил к светящейся юрте, входил в дверцу и, сняв с себя чапан, расстелив его на земле, становился на колени, произносил первые слова молитвы. Потом начинал вспоминать сына. Какой он был лёгкий, стройный, красивый! Зачем поехал в Москву? Зачем захотел стать танцовщиком? У них в роду все мужчины были чабанами, пасли овец. Тулебай смотрел сквозь тонкие прутья юрты вдаль, на открывающуюся взгляду прекрасную, напоенную светом и воздухом панораму. Разве плохо жить в этом просторе, в степи, окаймлённой холмами, видеть, как ранней весной одеваются склоны нежным зелёным бархатом, как летом на берегах озера поселяются белые гуси, прилетающие из Индии, как в октябрьские холодные утра серебряный иней одевает холмы в белое, а потом тает в лучах поднимающегося солнца, и они снова зеленеют?!

Однажды Тулебай, подъехав утром к кладбищу, остановился в волнении: в юрте Нурлана что-то белело, будто чья-то рубашка... Подъехав поближе, Тулебай разглядел, что это белый платок, видно, он обронил его накануне, а ветром платок приподняло и прибило к прутьям юрты. В другой раз, погрузившись в глубокую задумчивость, он проехал мимо кладбища и остановился только когда Берке замедлила шаг и запрядала ушами, как бы спрашивая, куда же он едет. Тулебай очнулся, поднял голову и вздрогнул: он ясно увидел силуэт танцующего меж холмов юноши, будто тот в гигантском лёгком прыжке перемахнул с холма на холм. Тулебай заметил беркута, сидящего на камне, подумал, видно, тот только что пролетел над холмами, вот и померещилось. Вернувшись вечером домой, Тулебай вытащил со дна жестяного сундука письма и фотографии сына, присланные когда-то из Москвы, на одной из фотографий Нурлан был запечатлён на сцене театра, в прыжке, будто парил над сценой.

Жена Тулебая, Амина, стала беспокоиться о муже. У них, кроме Нурлана, были ещё две дочери, давно вышедшие замуж, одна из них, Батимат, жила со своей семьёй неподалёку, в Сарычелеке, приносила то свежего мяса, то курт, то мёд. Амина рассказала дочери, что Тулебай целыми днями пропадает на кладбище, ночами разговаривает сам с собой. Батимат попыталась поговорить с отцом, но он только молча выслушал её, ничего не ответил, а на следующее утро опять отправился на кладбище. Слушая дочь, её увещевания, гля-

дя на её расплывшуюся фигуру, краснощёкое лицо, Тулебай думал: неужели это его дочь, неужели и она когда-то была тоненькой, стройной, лёгкой, как Нурлан?

Как-то Тулебай поехал к холмам вечером, ближе к закату. Ветер стих, вокруг не слышалось ни звука, лишь слабо пересвистывались невидимые птицы и из-под копыт Берке с лёгким стуком отскакивали камешки. Тулебай ехал, опустив голову, погружённый в свои привычные думы, и только когда Берке, мотнув гривой, остановилась, поднял голову. И чуть не вскрикнул: в юрте Нурлана кто-то был. Осторожно, очень медленно Тулебай спешился, с гулко бьющимся сердцем, волнуясь, стал взбираться на вершину холма. В юрте Нурлана сидел на земле юноша лет восемнадцати, рядом с ним лежала дорожная сумка. Он спокойно встретил смятенный взгляд старика. «Почему ты сидишь здесь, на могиле моего сына?» – прерывающимся голосом спросил Тулебай. «Юрта красивая, я такой никогда не видел, поднялся посмотреть», – ответил юноша. «Как тебя зовут?» – «Нурбек». Тулебай подошёл поближе, ему захотелось получше рассмотреть юношу. Тот был тонкий, высокий, чем-то похожий на Нурлана, только моложе, и взгляд у него был безмятежнее, чем у сына. «Где ты живёшь?» – продолжал допытываться Тулебай. «В Аксу, за перевалом». – «Куда направляешься?» – «На станцию, хочу устроиться на работу. Я жил у дяди, он умер, и в его доме живут теперь другие. А на станции, говорят, можно найти работу, устроиться жить в вагон-

чике». Тулебай посмотрел на беркута, взлетевшего с вершины холма, и неожиданно для себя сказал: «Пойдём со мной, переночуешь у нас».

Когда они вошли в чисто подметённый двор, Амина подкладывала кизяк и сухие веточки в огонь под казаном – варила свежую баранину, принесённую днём дочерью. Увидев гостя, вздрогнула, приложила ладонь к груди, замерла, разглядывая юношу.

– Это Нурбек. Из Аксу, – сказал Тулебай. – Сегодня переночует у нас.

Гостя накормили свежим, вкусно пахнущим мясом, напоили чаем с молоком. Амина принесла из погреба мёд, поставила перед гостем. Сами они почти не притрагивались к еде, сидели и смотрели, как юноша длинными пальцами разламывает лепёшку, как аккуратно высасывает жир из кости с мясом, как изящно подносит пиалу ко рту. Спать Нурбека положили в гостевой комнате, на лучших кошмах. Сами улеглись в комнатке рядом. Но не засыпали, ворочались, вздыхали, наконец Амина сказала: «На самом деле похож на Нурлана». И, помолчав, добавила: «Идём, ещё посмотрим на него, а то утром уйдёт». Стараясь не шуметь, они поднялись, зажгли керосиновую лампу, тихонько приоткрыли дверь в гостевую комнату. Нурбек спал, откинув одеяло, грудь его тихо вздымалась и опускалась, длинные ресницы чуть заметно трепетали. Старики уселись рядом с ним. «У него родинки нет на шее, – прошептала Амина. – И плечи шире. Но всё

равно очень похож».

Утром, во время чаепития, Тулебай, глядя куда-то в пространство, сказал:

– Если хочешь, поживи у нас. Нужно сено привезти, дрова заготовить.

– Я у дяди выполнял всю работу по хозяйству, – ответил юноша. Сложил ладони и наклонил голову в знак признательности.

Амина дотронулась до его плеча: «Идём, я дам тебе рубашку». Она повела его в комнатку, вынула из сундука ни разу не носившуюся белую рубашку, когда-то она купила её для Нурлана.

Через полгода Тулебай высмотрел у кузнеца Абиша его шестнадцатилетнюю дочь Алтынчеч, румяную как яблочко, каждый день лихо подъезжающую к магазину за продуктами на тонконогом кауром жеребце, смеявшуюся так звонко, что её было слышно на другом конце Сарычелека. Через год сыграли свадьбу, а ещё через год в доме Тулебая родился мальчик, сын Нурбека и Алтынчеч. Нурбек раздался в плечах, лицо у него обветрилось, вместе с колхозным чабаном Кожантаем он пас аульных овец, ездил на кобылке, одетый в тяжёлый полушубок, малахай, летом – в дождевик. Голос у него стал зычный, властный, и лишь когда он брал в руки домбру и, сидя на кошме у печки, начинал играть, подпевая тихонько, взгляд у него становился мечтательным, и он вправду походил на Нурлана...

Юрту Нурлана унесло ветром – поздней осенью на Сарычелек обрушился северный холодный ветер, бушевал три дня, сорвал крышу со здания сельсовета, разметал чью-то кошару, сломал телеграфный столб у магазина и вырвал из земли юрту Нурлана. Один из чабанов, возвращавшийся в этот день из озера в Сарычелек, видел, как светящаяся юрта Нурлана, похожая на гигантскую клетку для птицы, оторвалась от земли, взлетела вверх, будто подкинутая чьей-то могучей рукой и, кувыркаясь, переворачиваясь сбоку на бок, покатила по холмам, исчезла вдали. На могиле сына Тулебай поставил новое надгробие, из местного жёлтого камня. И теперь могила Нурлана ничем не отличалась от могил других аулчан.

Зелёные холмы Чиена

Наконец родственники разошлись. Последние из гостей – старушки-соседки – произнесли тихими голосами слова молитвы, провели сморщенными ладонями по своим глиняным лицам в знак окончания поминальной молитвы и поднялись. Жена дяди, не улыбочивая Рыскал, проводила их до двери. Затем убрала еду, стряхнула на крыльце скатерть, сложила её в цветной жестяной сундучок Ракии. Потом, стоя посреди комнаты, не глядя на Кано, тусклым голосом сказала, что половину сада пришлось отдать соседу в уплату долга, эти деньги Ракия посылала Кано в Москву, наверное, он получал, помнит. Лошадь и ишака завтра заберёт дядя, чтобы они не подошли с голоду, а дом, если Кано надумает продавать его, пусть скажет дяде, покупатели найдутся. И не улыбочивая Рыскал, не сказав больше ни слова, сунув ноги в новых мягких ичигах в старые галоши Ракии, стоявшие на крыльце, прошаркала ими по двору и ушла.

Кано оглядел двор. У двери на гвозде висел полушубок отца. Касымбека не было в живых уже семь лет. Рядом с полушубком висело чёрное плюшевое пальто матери. Ракия умерла сорок дней назад. На чисто подметённом полу была разостлана знакомая с детства кошма – по красному полю зелёные узоры. В углу комнаты стояла застеленная покрывалом узкая высокая кровать для гостей, с потолка свисала го-

лая, без абажура, лампочка.

Кано повалился на кошму, закрыл глаза. Потом поднялся, вытащил из портфеля, с которым приехал накануне, бутылку водки, зубами сорвал жестяной колпачок и, налив стакан, выпил; медленно опустился на кошму, полежал, и когда комната поплыла перед глазами и боль в сердце немного отпустила, поднялся, сорвал с гвоздя отцовский полушубок, волоча его за собой, вышел из комнаты.

День сегодня был ослепительный, яркий, золотой. Зелёные холмы Чиена сверкали. В прозрачном хрустальном воздухе тихо осыпались яблоневые сады, земля в садах шуршала мёртвыми, сухими листьями.

Кано спустился в сад, наткнулся на проволоку, разделявшую сад на две половины, повернул в сторону и, увидев старую яблоню с мощным кривым стволом и спускавшимися до самой земли ветвями, – под этой яблоней любила сидеть Ракия, – повалился на сморщенные сухие листья, накрылся тулупом с головой. И сразу ушёл в тёплый душный знакомый мир, пахнувший овечьей шерстью, сном и отцовским табаком, сквозь эти запахи просачивались тонкие ароматы яблоневого сада.

Через некоторое время Кано услышал какое-то посвистывание наверху, как бы возгласы удивления на птичьем языке. Приподняв тулуп, увидел на ветке яблони двух подпрыгивающих возбуждённых воробьёв. Он повернул голову в ту сторону, куда они смотрели, и увидел на фоне светло-сине-

го неба две лёгкие тени, скользящие в прозрачном воздухе от холмов Чиена сюда, к саду. Тени были в развевающихся одеждах, одна – в чёрном вельветовом чапане, косматой шапке, с камчой в руке, вторая – в зелёном цветастом платье, плюшевой безрукавке и белом с кистями платке. На ногах обеих поверх белых шерстяных носков были надеты маленькие круглые галоши. Кано зажмурился.

– Где наш мальчик? Где наш единственный сын Кано? – пропел в вышине знакомый тонкий голос.

– Тихо, жена, молчи, сейчас мы его увидим, – ответил второй голос, хрипловатый.

Обе тени спустились во двор, покружились по нему, влетели в раскрытую дверь дома, побыли там немного, а потом вылетели обратно, опечаленные и встревоженные, опустились на толстую бельевую верёвку, протянутую через двор от столба до стены дома, затихли.

– Кто подметёт двор? – снова запел тонкий голос. – Смотри, как неубрано в нашем дворе!

– Наш сын подметёт, наш Кано! – ответил хрипловатый.

– Как исхудал наш ослик! Жена твоего брата совсем не кормит его! – снова жалобно произнёс первый голос.

– Его накормит наш сын, наш Кано! – ответил второй голос.

– Смотри, как грустно машет хвостом наша старая лошадь! Её не чистят, у неё не расчёсан хвост!

– Наша лошадь старая, она скоро встретится с нами на

тихих холмах Чиена!

Обе тени замерли на верёвке, прижимаясь друг к другу, будто ожидая, что кто-то третий вступит в их разговор, но никто не прерывал их.

– Мама, я здесь! – крикнул Кано, но сам не услышал своего голоса. Полушубок навалился на него горой, губы не шевелились, голова пылала.

– Кто будет подрезать ветки у наших яблонь? – снова спросил первый голос.

Второй голос молчал.

– Кто будет топить нашу печь, согревать дом? – сказал первый голос.

Второй голос опять промолчал.

– Кто будет обмазывать свежей глиной стены дома весной? Наш сын, наш маленький Кано вырос и уехал отсюда, он больше никогда не вернётся! – заплакал первый голос.

Второй голос помолчал, а потом сказал: «Наш сын здесь, он бродит сейчас среди зелёных холмов Чиена, оплакивая нас. Пойдём поищем его».

И Кано увидел, как две тени, слетев с верёвки, приблизились к дремлющей возле сарая белой лошади, к стоявшему у крыльца подслеповатому смиренному ишаку, уселись им на спины, взмахнули плётками и тихо затрусили по жёлтой пустынной улице – туда, к зелёным холмам Чиена. «Куда вы? Я здесь!» – хотел крикнуть Кано, он силился подняться, но это никак не удавалось, руки и ноги одеревенели, голова не

шевелилась, кто-то тяжёлый навалился на грудь и не отпускал. И тогда он закрыл глаза и заплакал.

– Мои дорогие Ракия и Касымбек, мама, отец, вы – единственные люди на свете, которых я действительно любил! – плача, шептал Кано. – Я уехал от вас когда-то, от этих зелёных холмов и яблоневых садов, чтобы там, далеко, в больших уютных городах заниматься так называемым «искусством». Я хотел добиться того, чтобы в одной маленькой картине, длящейся на экране час, выразить всю боль и радость, всю нежность и любовь, накопившиеся во мне, переданные мне вами! Но удалось поймать лишь выражение счастья на лице смеющегося мальчика, выросшего среди таких холмов и садов, грусть на его лице, когда его мечта не сбылась. Я искал в больших городах Красоту и Талант, ведь это тоже редкий дар, может быть, даже более редкий, чем красота цветущей ветки или очертания наших холмов в рассветных сумерках. Я сдружился со многими людьми – с писателями, художниками, артистами, они тоже неустанно искали повсюду Красоту и Талант. Я узнал много людей, талантливых и неталантливых, искренних и неискренних, умных и не очень, но полюбить кого-нибудь всем сердцем так и не смог, я любил только вас, мои дорогие, и мне бесконечно жаль, что я не могу сейчас вернуть ту ночь, ту тёплую августовскую ночь, когда ехали втроём, я, отец – на лошади, мама – на нашем смирном ишаке, от дома дяди к себе, в Чиен. И я помню, как пахла тогда влажная трава, как ласково мигали в вышине

тихие звёзды, как вздыхала в темноте наша старая лошадь, и как отец напевал, шутил с матерью, дорога казалась бесконечной, и вся жизнь со всеми её радостями была ещё впереди...

На следующий день двое жителей наткнулись на склоне одного из дальних холмов Чиена на лошадь Ракии и подследоватого ишака. Как они туда забрались, понять не могли. Жена дяди, неулыбчивая Рыскал, отчитав Кано за выпитую бутылку водки, накинула верёвки на шеи лошади и ишаку, увела их в свой просторный двор.

Кано запер дом на замок, отнёс один ключ Рыскал, второй оставил себе и с пустым портфелем в руке, не глядя по сторонам, зашагал к автобусной остановке. Ему надо было вылететь в Москву. Послезавтра на киностудии «Мосфильм» был заказан зал для перезаписи. Съёмочная группа, томясь вынужденным бездельем, проклиная гостиничную жизнь в столице, с нетерпением ожидала своего режиссёра, чтобы наконец закончить фильм, от которого все так давно устали...

Юнусабад

– Папа, смотри, бассейн! – воскликнула Нигора, поднимаясь с вишнёвого цвета курпачи, разостланной на линолеумном полу, подходя к окну, прикрытому занавеской из узорчатого шёлка.

Перед окнами, на том месте, где всегда был виден лишь голый пустырь, где иногда в жару появлялся старик Тахир из глинобитного домика рядом с заброшенным кладбищем, пасущий своих грустных овец, – и где только они находили здесь траву! – на пустыре, где в ветреную погоду вздымались с земли и уносились вдаль пыльные облака, принимающие формы костлявых верблюдов с торчащими покачивающимися горбами или огромных тюков ваты, шарообразных существ неземного происхождения, постоянно меняющих свои очертания, как бы клубящихся, на пустыре, где по ночам узбечка Зухра из пятой квартиры подолгу сжигала мусор, высыпая его из пластмассового ведёрка, если не успевала сдать его днём проезжающей мимо «мусорной машине», сейчас сверкал голубыми и зелёными плиточками круглый бассейн с прохладной переливающейся водой.

– Пап, я пойду купаться! И Саёру разбужу! – и Нигора, взяв со стула полотенце и грациозно изгибаясь, будто делала под музыку аэробику, направилась к двери.

– Стой, доча, подожди! – Рустам, одетый в хлопчатобу-

мажные синие шаровары и ослепительно белую, облегающую рельефную грудь майку, стоял перед окном и, сдвинув классического рисунка персидские брови, пристально смотрел перед собой.

Он вспоминал сейчас, как памирским школьником резво вышагивал по горной тропинке из родного кишлака в районный интернат, как останавливался перед внезапно возникшим провалом ущелья, и, если провал казался узким, перепрыгивал через него, но каждый раз сердце на мгновение замирало...

– А вон кустики! Озеленение, что ли, начали? – посмотрев правее, удивилась Нигора.

За бассейном нежным пушистым облачком зеленели ровно подстриженные кустики южной акации.

Невидимый отсюда, лишь угадываемый по слабому гулу окружной дороги, показался новенький автобус оранжевого цвета. Остановился возле столба, на котором висела табличка: «Остановка». Дверцы открылись, поджидая пассажиров, потом захлопнулись, и автобус развернулся и плавно покатил в обратном направлении.

– Пап, теперь у нас остановка, не будешь больше опаздывать на работу! – сказала Нигора.

Рустам не ответил.

На второй курпаче у дверей пошевелилась Саёра, медленно приподнялась, спросила сонно:

– На что это вы там смотрите? Мусор, что ли, опять жгут?

Она прошлёпала босыми ногами по линолеуму, двигаясь не так грациозно, как Нигора, встала у окна рядом с ней, посмотрела и ахнула.

– Пап, это же Нурмухамедова ведут, из овощного ларька! Наконец-то его арестовали!

За бассейном появился молоденький, с золотым чубчиком синеглазый милиционер, ведущий перед собой спотыкающегося Нурмухамедова со связанными за спиной руками.

– Так и надо, не будет больше гнилые помидоры продавать! – сказала Нигора.

– Пап, а вон твой декан Латыпов, взяточник! – воскликнула Саёра.

Рустам с изумлением увидел декана своего факультета Латыпова, тоже в сопровождении милиционера, декан вышагивал вдоль бассейна в тапочках без носков. Ещё вчера Латыпов смеялся над Рустамом за его вопрос: «почему в их институте продолжают брать взятки при поступлении?» И вот теперь он идёт со связанными руками, с потупленным виноватым взглядом... Латыпов, шаркая, прошёл мимо, – как постарел сразу человек! – и снова перед окнами стало тихо, лишь переливалась вода в голубом бассейне, шевелились от ветра зелёные кустики акации, пересвистывались воробьи, летавшие над пустырём.

– Пап, купаться хочется! – жалобно сказала Нигора. – Можно я только разок искупаюсь и обратно?

– Подожди, доча! – покачал головой Рустам.

С левой стороны пустыря показалась чёрная «Волга», остановилась перед окнами. Из неё вышли два дружинника с красными повязками на рукавах и грузный мужчина в пропотевшей рубашке, с неподвижным тяжёлым взглядом. Руки у него были связаны за спиной. Дружинники наклонились, захватили по горсти пыли и стали сыпать на голову мужчине, приговаривая: «Ай, бандит, бандит!»

Мужчина глухо застонал.

– Это же Амиров! Главарь преступного мира! – ахнула Нигора. – Вчера по телевизору показывали! Сколько людей он загубил! Три миллиона у него дома нашли, да, пап? Можно я тоже выйду на улицу и скажу ему в лицо, что он бандит?!

– Нет, выходить не надо! Иди и лучше закрой дверь на задвижку, проверь, закрыты ли окна!

– Почему всегда я? Почему не Саёра? – Нигора с обиженным лицом прошлась по комнатам, захлопнула все окна, защёлкнула на задвижку входную дверь.

– Смотрите, «ярмарка»! – захолопала в ладоши Саёра. – Никогда не приезжала к нам и – пожалуйста!

На пустыре остановились две грузовые машины, из них стали спускать лотки и полотняные тенты. С третьей машиной приехали шашлычники с жаровнями, дровами, тут же принялись разжигать огонь. Лоточники натянули тенты, распаковали огромные тюки, стали развешивать на верёвках шубы, куртки, джинсы, костюмы, платья.

– Ой, вон шуба, которую мама хотела купить, но ей не

досталась, – закричала Нигора. – Может, разбудить её, пусть выйдет и купит!

– Нет, доча, подожди! – лицо Рустама становилось всё более серьёзным, он побледнел.

– А вон сапоги итальянские! И куртки на пуху! Пап, ты же хотел такую! Ой, книги!

Подъехал фургон, на котором было написано: «Книги». С него спустили лотки, на них стали раскладывать кипы книг.

Саёра надела новые очки, которые показывали как бинокль, и стала громко зачитывать названия выставленных книг.

– Джойс. Пруст. Фолкнер. Маркес. Кортасар. Ахматова. Зоценко. Мандельштам.

А потом подъехал ларёк, весь увешанный гирляндами спелых жёлтых бананов, кокосовых орехов, киоск с пирамидками из пачек индийского и цейлонского чая, с банками бразильского, колумбийского кофе, касса «Аэрофлота», железнодорожная касса.

Потом появились подмостки, на которых стала выступать труппа Королевского балета Великобритании в сопровождении симфонического оркестра, театр Кабуки, Театр Некрошюса, «Виртуозы Москвы»... Прославленные театральные, музыкальные коллективы мира демонстрировали своё искусство перед окнами дома номер 10 сектора «Б» окраинного района Ташкента, и не было конца этому ослепительному празднику.

– Пап, трещина! – сказала Нигора, на секунду отвлѣкшись от яркого зрелища и указывая пальцем на оконное стекло.

Трещина здесь появилась недавно, мальчишка из третьей квартиры ударил мячом. Но тогда трещина лишь наметилась, не расползаясь дальше, а сейчас она увеличивалась прямо на глазах.

– Принеси лейкопластырь! – приказал Рустам.

Нигора побежала в ванную комнату и принесла из аптечки кружок лейкопластыря и ножницы.

Молниеносным движением, двигаясь как фокусник, Рустам отрезал кусок белой ленты и ловко заклеил ею разрастающуюся трещину. Поднял голову, оглядел потолок. На потолке трещин не было, но он слегка вибрировал, как при слабом землетрясении, слышался неясный гул.

Из спальни наконец появилась проснувшаяся, потягивающаяся Фарида в узбекском платье из натурального шёлка, превращённом ею в ночную рубашку.

– Уже проснулись, мои дорогие? – пропела она своим мелодичным татарским голосом. – Ещё не завтракали, мои красавицы? – И обняла дочерей белыми пухлыми руками.

– Мам, ты опять обниматься! – высвободилась из её объятий Нигора. – Ты лучше посмотри туда!

Фарида с изумлением смотрела в окно.

– Моя книга! Напечатанная! – ахнула она. – Десять лет лежала в издательстве и – пожалуйста! И как прекрасно оформлена!

– Мам, можно я выйду на минуточку, искупаюсь и на сапоги итальянские посмотрю? – спросила Нигора. – И на твою книжку?

– Нет, доча, подожди, – пробормотала Фарида. – Я ничего не понимаю. По-моему, это та самая шуба, за которой я стояла в очереди полдня зимой! А вон маслины! Боже мой, десять лет не видела в Ташкенте маслин! Нет, Нигора, никуда пока не выходи, я сейчас проверю...

И, благоухая французскими духами, присланными сестрой из Коканда, богатый город Коканд, в нём есть всё! – Фарида резво засемила вглубь квартиры. Нигора, Саёра и Рустам двинулись за ней.

В глубине квартиры Фарида приподняла выцветшее, полинявшее, но всё равно очень красивое сюзане, присланное ко дню свадьбы родственниками Рустама из кишлака под Ленинабадом. Сюзане закрывало вход в кладовку, заставленную банками с вареньем, всяким хламом. Фарида подошла к окошечку, заклеенному старыми пожелтевшими газетами и осторожно отлепила краешек бумаги. Прильнула к отверстию, посмотрела наружу.

– Так я и знала! Обман! Сами посмотрите!

Все по очереди прильнули к отверстию в окошечке.

В отверстие был виден пустырь, по-прежнему голый, без травы, без людей. В отдалении пас своих тощих овечек старик Тахир из глинобитного домика рядом с заброшенным кладбищем, в пыли сидела слепая старушка Зухра из пятой

квартиры, что-то напевала, высыпая мусор из пластмассового ведёрка прямо на землю.

– Из дома не выходить! – сказал Рустам. – Рис у нас есть, мука, сахар есть, воду не отключили! Нигора, ставь чайник!

Через полчаса после лёгкого завтрака (хлеб с маслом, чай с сахаром) все разошлись по комнатам. Рустам расположился в большой комнате. Разложив перед собой конспекты и тетради, стал расхаживать вдоль стен, громко, как в институтской аудитории, читая лекцию на тему: «Использование компьютерной техники в космической медицине».

Фарида уединилась в спальне. Лёжа на тахте, мурлыча, напевая под нос, принялась привычно переводить на русский язык классика узбекской литературы текущего советского периода.

Нигора и Саёра ушли в свою комнату. Уселись там за два письменных стола, над которыми горными хребтами нависали книжные полки. Девушки принялись за методическое чтение русской, европейской и мировой литературы. В любом случае надо выйти отсюда образованными людьми, напутствовала их Фарида, провожая в эту комнату, библиотека у нас не маленькая, мы с папой всю жизнь её собирали, так что книг вам хватит надолго, может, на всю оставшуюся жизнь...

Но Нигора и Саёра с ней не согласились.

– Мам, мы выберемся отсюда, и очень скоро, – заверили они Фариду.

Эксперимент

В Калькутте, в ресторане, на крыше двадцатиэтажного небоскрёба, рядом с Храмом Тысячи Будд сидели за столиком, глядя на лучший в мире закат, миллионер из Нью-Йорка, физик из Швеции, писатель из Днепропетровска, доктор Рама из ООН, наш представитель СССР в Индии – Валентин Сидоров и Нина Аллахвердова в лёгком развевающемся платье, с новой причёской кинозвезды восьмидесятых.

– Ну что ж, дорогие мои, – сказала Нина Аллахвердова, улыбаясь своей ослепительной улыбкой, – значит, вы предлагаете мне вылететь вместе с вами на эту новую планету с благоприятными для человеческой жизни условиями, вывезти туда детей, первую партию из тысячи человек, воспитать из них людей будущего? Более развитых, способных больше радоваться жизни, чем здесь, на Земле? Это возможно. Но у меня есть условия. Во-первых, я сама должна выбрать себе помощников из числа своих знакомых. Я думаю, что выберу Милу Голубкину, Неллю Исмаилову, Розу Хуснутдинову, кое-кого ещё. Во-вторых, у меня свой биологический ритм, своё чувство времени, поэтому не торопите меня, я не знаю, когда будет закончен этот эксперимент, через пять лет, через десять или позже. В-третьих, дорогие мои, я не вижу радости на ваших лицах. Почему о такой хорошей идее вы говорите с такими унылыми лицами? Если цель вашего эксперимента

– создать людей радостных, с разнообразными талантами и желаниями, почему вы, руководство, так ограничены в своём мышлении?

– Почему вы думаете только о деньгах, валюте, долларах, рублях? – обратилась она к финансисту из Нью-Йорка.

Финансист попытался согнать с лица озабоченное выражение.

– А вы почему думаете только о нейтронах-нейтринах? – спросила она физика.

Физик блеснул стёклами своих очков, смущённо отвернулся.

– А вы всё думаете, где напечатать очерк о нашем эксперименте, в «Новом мире» или журнале «Москва»? – спросила она писателя.

– Мы больше не будем! – хором заверили Нину миллионер, учёный и писатель из Днепропетровска. – Пожалуйста, не покидайте нас, мы одни ничего не сможем!

– Ну хорошо, – прищурила свои хитрые армянские глаза Нина Аллахвердова. – Я, может, и не покину вас... Но я должна признаться, что люблю красивых людей. А вы? Как вы себя ведёте?

– Ну, почему, почему вы едите салат с такой жадностью, будто неделю не ели? – обратилась она к финансисту.

Тот испуганно отодвинул от себя тарелку и смиренно положил руки на колени.

– А вы почему выглядите таким больным? – спросила Ни-

на у физика. – Сейчас же улыбнитесь и скажите что-нибудь смешное!

Учёный раздвинул тонкие губы и произнёс сквозь зубы:

– Без! Женщин! Жить! Нельзя! На свете! Нет!

– На первый раз сойдёт, но учтите, с юмором у вас не всё ладно, – сказала Нина.

– Товарищ Сидоров, объясните, пожалуйста, своему коллеге из Днепропетровска, что быть писателем – это ещё не всё! Не надо казаться Львом Толстым, если для этого нет никаких оснований!

– Вы не Лев Толстой! – сказал Сидоров писателю из Днепропетровска.

– И вы не Толстой! – ехидно парировал тот.

Нина Аллахвердова обратилась к представителю ООН, доктору Рама:

– У меня к вам просьба. Нельзя ли на той планете, куда мы полетим, показывать фильмы, хотя бы ту программу, которую показывают на двухгодичных Высших курсах для режиссёров и сценаристов?

– Можно, – кивнул доктор Рама.

– И ещё одно условие, – сказала Нина Аллахвердова, – я хочу, чтобы моя семья, Артёмочка с Машей, Катенька с Андрюшей, Матусик, отправилась вместе со мной. Потому что... кто я без них? Сухая былинка на ветру! А вместе мы сможем всё.

Присутствующие кивнули.

– И ещё одно, – тихо сказала Нина Аллахвердова, глядя задумчивыми армянскими глазами на лучший в мире закат. – А может ли случиться такое, что на этой планете я смогу встретить людей из прошлого? То есть, конечно, мы будем воспитывать людей будущего... Но так много неясного в прошлом... Могу ли встретить там людей, которых уже нет на Земле, но кого я очень любила и с кем мне хотелось бы встретиться?

– Возможности человека безграничны, ваши особенно. Надейтесь, может, с вами и произойдёт такое чудо, – сказал доктор Рама.

Нина Аллахвердова лучезарно улыбнулась и попрощалась до завтра.

Весь вечер она гуляла по калькуттским улицам, полным пряных запахов и красивых людей. В одном из переулков у неё произошла знаменательная встреча. Нина повстречала свою маму, Анну Сергеевну, которая, вообще-то, должна была находиться сейчас совсем в другом месте, в Баку на улице Самеда Вургуна в доме номер 13.

– Дорогая моя, – сказала дочери Анна Сергеевна, – ты можешь ввести в заблуждение всё человечество, но только не меня. О каких это твоих достоинствах толкуют твои друзья? Всё экспериментируете, сочиняете, вместо того, чтобы прислушаться к голосу сердца. Впрочем, лети! Может, на этот раз что-то и удастся...

И Анна Сергеевна, завернувшись в тончайшую с блёстками

ми розовую индийскую шаль, скрылась в толпе.

На следующий день вылетели по намеченному маршруту. Международный эксперимент с целью создать людей счастливого будущего человечества начался.

Луиза

Ну, были, были опасные эпизоды в жизни Луизы П. Была ночь, проведённая среди льдов и снегов за Северным полярным кругом. Биологическая станция, на которой работала Луиза, находилась на берегу Баренцева моря, в десяти километрах от стойбища лопарей. В безветренную погоду Луиза преодолевала это расстояние за час-полтора. Лопари принимали её за свою: у неё было смуглое лицо, высокие скулы, длинные чёрные волосы, спадающие на плечи. Подруга говорила ей, что она походит на жену индейского вождя из Северной Америки или на героиню из романа Фенимора Купера. Видимо, и лопари считали так же. Они радостно приветствовали её, угощали сырой и вяленой рыбой, она угощала их галетами и ирисками, объяснялись они жестами, потом Луиза узнала несколько слов на их языке. Иногда Луиза оставалась в стойбище ночевать, правда, спала в собственном спальном мешке из гагачьего пуха – предмет её особой гордости. Этот пух она собирала целое лето на безымянных каменистых островах, где обитали только птицы.

В тот злополучный день Луиза со спальным мешком за спиной пробежала на лыжах, обгоняя позёмку, половину пути до стойбища, как вдруг резко остановилась, засмотревшись на огромный снежный сугроб, который, как показалось ей, зашевелился – уж не медведица ли? Раздался треск, пра-

вая лыжа сломалась, наехав на снежную застругу, затвердевшую как лёд. Что было делать? Двигаться дальше на одной лыже – бесполезно, не дойти, возвращаться назад – поздно, уже стемнело, надвигалась ночь... Обломком лыжи Луиза вырыла яму в снежном сугробе, покрытом сверху ледяной коркой, сняла со спины спальный мешок и постаралась разложить его в вырытой нише. Влезла в него, застегнула замок и стала интенсивно дышать внутрь мешка, согревая его своим дыханием. И так как одета она была в три свитера и ватные штаны, и всё время представляла себе горячо натопленную баню, в которой парилась когда-то в детстве в деревне под Бугульмой вместе с матерью и сёстрами Риммой и Майей, не замёрзла. Лежала себе в мешке, разглядывая сквозь щели нависшее над ней ледяное небо, на котором играло розовыми, сиреневыми, жёлтыми сполохами северное сияние, с красотами которого, как известно, не может сравниться ни одно зрелище в мире! Что там картины Рокуэлла Кента или Николая Рериха!

Через несколько часов муж Луизы, внезапно почувствовав сильное беспокойство, отправился на поиски жены, которую обнаружил по оранжевому спальному мешку, выглядывающему из сугроба и обломку лыжи, лежащей рядом.

В другой раз Луиза встретила опасность в лице акулы, заплывшей в тропические широты. Луиза находилась тогда на корабле «Академик Курчатов», работая в группе биологов, исследующих уровень интенсивности жизни в мировом оке-

ане. В свободные часы сотрудники расходились по своим каютам, чтобы вздремнуть, почитать, отдохнуть, а Луиза надевала водолазный костюм, маску, акваланг и спускалась в глубины тёплого моря – во-первых, здесь было очень красиво, во-вторых, водная стихия для человека, может быть, более родная, чем суша, только без жабров, конечно, трудно дышать, приходится пользоваться аквалангом. Спустившись на дно, Луиза медленно продвигалась по воде, разглядывая бесчисленные рифы из белого и розового светящегося коралла, как вдруг нос к носу столкнулась с огромной рыбиной, тоже как будто разглядывающей кораллы. «Да уж не акула ли это? – ужаснулась Луиза. – Как велика!» Осторожно отщипив кусок коралла, она медленно двинулась вверх, стараясь не встревожить резкими движениями опасную незнакомку. Рыбина – или акула? – внимательно смотрела ей вслед своими маленькими недобрыми глазками. Луиза заторопилась, выскочила на поверхность воды и, сорвав с лица маску, крикнула: «Акула!» Два матроса, стоявшие на палубе корабля, бросились в шлюпку и поплыли к ней. Луиза плыла сажонками, изо всех сил взмахивая руками, чувствуя приближающуюся к ней снизу, из глубины океана, преследовательницу. Спустя две секунды, после того как Луиза, задыхаясь, перевалилась через борт шлюпки, из воды высунулась огромная белая пасть, напшигованная зубами как компьютер сотами или как рояль клавишами, и лягнула так, будто зубы эти были металлическими. Акула развернулась и мощным хвостом

ударил по шлюпке, но, к счастью, та не перевернулась. С корабля пальнули разок-другой, чтобы отпугнуть хищницу.

– Вы спаслись чудом, – сказал Луизе капитан корабля, – как видите, жизнь в океане есть и очень интенсивная, настоятельно прошу вас, больше в воду ни ногой, уж пожалуйста!

Третий опасный случай произошёл с Луизой в горах. Она поднималась по каменистой тропинке, разглядывая прекрасную панораму открывающихся глазу горных склонов, пиков, пропастей, вершин, на одну из этих вершин завтра предстояло подняться группе альпинистов, в числе которых была и Луиза.

Какой-то звук, будто покотился камешек, заставил её поднять голову. В двадцати метрах от себя, у входа в пещеру Луиза увидела женщину с распущенными волосами до пят. Сверкающие глаза женщины, не моргая, смотрели на неё.

«Снежная женщина! – подумала Луиза. – Это про неё в лагере говорили!»

– Ну, как вам живётся вдали от цивилизации? – приветливо спросила Луиза на русском, английском и немецком языках. Потом добавила по-татарски. – Исәнмесез!¹

Женщина безмолвствовала, но смотрела не угрожающе, а скорее доброжелательно.

– Можно посмотреть вашу пещеру? – спросила Луиза, подойдя ближе. – Какая прекрасная планировка! Какие шкуры! Камни! Вы их тоже собираете? Я ещё люблю собирать

---

¹ Исәнмесез (*татар.*) – здравствуйте.

птичьи перья! О, у вас они тоже есть!

Женщина протянула руку и коснулась пальцем свитера Луизы из верблюжьей шерсти с узором из ярких бабочек. Пощупала Луизины джинсы.

– Нравится мой свитер? Джинсы? – спросила Луиза. – Хотите померить?

Быстро скинула с себя свитер и джинсы, протянула женщине.

Та довольно быстро, ловко облачилась в одежду, стала с интересом оглядывать себя.

– Волосы мешают, завяжите узлом на затылке, – сказала Луиза и показала, как это делается.

Женщина завязала свои волосы узлом на затылке.

Луиза задумчиво оглядывала пещеру, связки сушёных трав, кореньев, шкуры на полу и стенах.

– Хотите, я поживу здесь, а вы там? – показала она на пылавшую ярким цветком палатку далеко внизу. Оттуда доносилась зажигательная музыка: видимо, кто-то из альпинистов включил транзистор.

Женщина кивнула.

– Ну тогда надо знать несколько слов, чтобы общаться с людьми, – сказала Луиза, – запоминайте: «айм сорри»², «плииз»³, «битте»⁴, «нормально», «рэхмэт»⁵.

---

² I'm sorry (англ.) – извините.

³ Please (англ.) – пожалуйста.

⁴ Bitte (нем.) – пожалуйста.

Женщина повторила вслед за Луизой эти слова.

– Можете идти к людям! – и Луиза подтолкнула женщину вниз.

Легкими, вполне спортивными прыжками женщина по-мчалась с горы вниз, к манящей её палатке.

А Луиза вошла в пещеру, растянулась на козьей шкуре и закрыла глаза со словами: «Какое блаженство! Наконец-то я одна!» И сладко уснула.

Наутро для неё началась чудесная жизнь. Она много гуляла, любясь окрестными пейзажами, собирала камни, красивые яйца птиц, однажды вытащила из расщелины изумрудик (природный или оброненный какой-нибудь экстравагантной туристкой-альпинисткой). Луиза сплела себе накидку из широких листьев, а в длинные волосы вплела стебли вьющегося растения, так что теперь казалось, особенно издали, что волосы у неё до пят. Как-то она ушибла ногу, прыгнув с крутого откоса вслед за горным туром, но быстро поправилась, отыскав мумиё в одной из пещер.

Луиза загорела, потемнела лицом, привыкла ходить босиком, местные птицы уже не пересвистывались тревожно при её появлении, они принимали её за свою, здешнюю обительницу.

Иногда Луиза забавлялась. Видя группу туристов, с фотоаппаратами в руках взбирающихся по горному склону, она внезапно появлялась на какой-нибудь открытой площадке,

---

⁵ Рэхмэт (татар.) – спасибо.

чтобы туристы могли вскрикнуть: «О, снежная женщина!» и щёлкнуть её фотоаппаратом. Только она старалась находиться от туристов подальше, так было безопаснее.

Но совсем избежать опасности не удалось. Однажды, проснувшись утром, Луиза услышала голоса двух мужчин, переговаривающихся поблизости, у входа в пещеру.

– Вроде в этой пещере она живёт, – говорил один голос. – Как выйдет – накинем сетку! Поймаем, доставим в институт, пусть изучают, снежная она женщина или нет!

Быстрее лани кинулась Луиза к запасному выходу, предусмотрительно выкопанному ею недавно. И через несколько секунд уже мчалась вниз по горному склону, невидимому для незваных гостей.

Добравшись до ближайшего ручья, умылась, сбросила с себя экзотическую накидку из листьев, расплела волосы, связала их узлом на затылке и, завернувшись в козью шкуру, прихваченную из пещеры, явилась в таком виде в высокогорное селение, облюбованное ею во время недавних прогулок. Луиза объяснила жителям селения, что она альпинистка, заблудилась в горах. Горцы накормили её горячей едой и выдали одежду – ватный полосатый халат и атласные шароварчики. В таком одеянии Луиза и добралась на ослике до ближайшего населённого пункта, где имелась почта, отправила мужу телеграмму: «Скоро прилетаю. Луиза».

И через день действительно очутилась в своей уютной квартире на Московском проспекте в Санкт-Петербурге, где

комнаты были завалены книгами по археологии, истории, об альпинистах, камнями, обломками древней глиняной посуды, птичьими перьями, засушенными морскими звёздами – словом, всем тем, что составляет гордость любого путешественника, объездившего, исходившего пешком полмира.

Карта Луны, таллинский ликёр и лагман

– Наш благородный эстонец пригласил меня послушать стихи, – сказала я казашке, когда мы вернулись с Высших сценарных курсов в общежитие на Руставели и поужинали лагманной лапшой, присланной из Алма-Аты.

– Сходи, потом расскажешь, – кивнула она. – По крайней мере, он не пьёт по вечерам, как другие наши, особенно свердловские, посмотришь, что у него в комнате. Не ковры же и платки, как у нас, а что-нибудь другое! Всё-таки – прибалт!

Когда я постучалась в комнату на шестом этаже и вошла, её хозяин сидел за письменным столом, как обычно, в чёрном костюме и белой рубашке, перед ним на столе лежали исписанные листки бумаги. Он приподнялся и вежливо поклонился, будто мы встретились на дипломатическом приёме.

– Прошу садиться!

Я оглядела почти пустую комнату. Стол, два стула, кровать. На стене, над кроватью, заправленной серым казённым одеялом, висела голубоватая карта обеих сторон Луны.

На голом столе стояла бутылка таллинского ликёра сизого цвета и две крошечные рюмки.

В комнате был ледяной холод, дыру в окне закрывало оде-

яло.

– Разбилось стекло? – спросила я.

– Соседи, – кивнул он на стенку, – студенты Литинститута получили стипендию, отметили, ворвались, разбили окно и отправились драться дальше...

– Надо было сказать комендантше! – возмутилась я.

– Комендантша сказала, что стекла нет, будет на следующей неделе.

– Но как терпеть? Ведь сегодня минус семь!

– А вчера было ноль. Но, по-моему, это не интересно. Лучше я почитаю стихи.

Я кивнула.

Глуховатым медленным голосом человека, выздоравливающего после долгой болезни, он начал читать. Об электрических проводах, опоясывающих землю, о больших городах, где люди живут, как муравьи, об одиночестве, о вересковых полях где-то далеко-далеко, о вещих братьях-деревьях...

Я не шевелилась, смотрела на карту Луны. Чувствовала, что лунные моря и кратеры, впадины и возвышенности на чёрно-бело-голубой карте чем-то сродни этим волнам стихов, наплывающих на меня.

– Ты, кажется, замёрзла, – прервал он чтение, взглянув на меня. Взял в руки бутылку ликёра в сизой упаковке и налил в крошечную рюмку, стоящую на краю стола.

Я выпила, сразу стало горячо (о, сорокоградусная жара ашхабадской улицы, где мы шли этим летом с подружкой

Гультэч!).

– Продолжай, интересно! – завершила я.

Он продолжил чтение. Потом, отложив листы в сторону, стал говорить об острове Сааремаа, о Ливонии, в которую вторглись крестоносцы в тринадцатом веке, о том, как они уничтожали береговых, лесных, луговых языческих богов, как сжигали жертвенные рощи и вырезали из дерева человека-бога, на кресте... А что думаю я о кипчаках, о булгарах, о Золотой Орде? Наверное, тоже вижу во сне скачущих смуглых всадников на косматых лошадях, слышу их воинственные крики: «Ур-р, ур-р!!!» Знаю ли я, что на многих, казалось бы, совсем разных языках мира некоторые слова звучат одинаково...

Я сидела не двигаясь. Из окна дуло как из морозильника. Обратная сторона Луны придвигалась ко мне всё ближе.

Раздались крики, дверь со стуком открылась, и два пьяных студента, вцепившиеся друг в друга как сиамские близнецы, дошагали до кровати в углу комнаты, повалились на неё.

– Шаганэ ты моя, Шаганэ! – вскричал один из них.

– Тихо розы бегут по полям... – всхлипнул второй.

Потом оба поднялись и, обнявшись, покинули комнату.

– Каряк и якут с отделения переводчиков, очень Есенина любят, – пояснил эстонец.

Снова налил в рюмку ликёр, пододвинул мне и продолжил монолог.

Я сидела, боясь пошевелиться, чтобы не стало ещё холоднее.

– Кажется, всё-таки ты мёрзнешь, – прервал он чтение, встал, подошёл к шкафу, вынул из него шерстяное одеяло и подал. – Завернись.

Я завернулась.

– «Ливли-ливли», так называли себя ливы, – сказал он. – По-моему, звучит музыкально. А чем ливское солнце отличалось от солнца наших дней? Чем отличалось солнце кипчаков от нынешнего?

Комната, казалось, заледенела совсем, потонула в сизом тумане. Я сидела в полном оцепенении. Лицо человека напротив меня было застывшим, бледным, но синие глаза, порой вскидывающиеся на меня, жили, мерцали, в них светился неукротимый огонь.

Я перевела взгляд на карту Луны, висящую на стене, на пятно между двумя впадинами.

Пятно вдруг зашевелилось, обозначились какие-то контуры, это был всадник на быстром коне с развевающейся гривой, мчащийся куда-то, множество всадников с саблями в руках мчались по лунному пейзажу, справа налево, с востока на запад... Это была лавина, орда, завоёвывающая просторы лунных земель, и ничто не могло остановить её, слышались усиливающиеся крики: «Ур-р! Ур-р!»

Раздался грохот, дверь в комнату распахнулась, на пороге комнаты стояла казашка в бордовом бумазеевом халате,

оранжевом платке и домашних тапочках.

– К тебе приехали родственники из Уфы! – вскричала она. – Привезли мёд и баранину! – Чёрные соболиные брови её поползли вверх. – Но как вы тут сидите? Такая холодина! Северный полюс! Идём! – и она рывком схватила меня горячей рукой и потащила к двери.

– Большое спасибо, – пролепетала я, оглядываясь на хозяина комнаты, – за стихи, за угощение!

Через минуту мы были в своей тёплой комнате, увешанной золотистыми платками на стенах, с бордовым ковром на полу. Действительно, из Уфы приехала троюродная сестра, привезла мёд и баранину.

А потом мы, смеясь, ели горячий лагман с корейской приправой, пили чай с гречишным мёдом и молоком. Вечером родственнице постелили на полу, за письменным столом. Погасив верхний свет и включив лампочку с бумажным абажуром над изголовьем, я достала том «Тысячи и одной ночи», стала читать вслух. Мы с казашкой приучились делать это каждый день, чтобы, как она говорила, «отдохнуть от «жуткого» кино (мы в это время смотрели на курсах фильма Хичкока), обрести гармонию и равновесие».

«Когда госпожа Будур услышала слова Ала-ад-Дина, она упала без памяти от сильного горя, печали и страха за него, и Ала-ад-Дин брызгал ей в лицо розовой водой, пока она не очнулась...»

Во время чтения казашка несколько раз засмеялась.

– Неужели вы читаете это каждый день? – с недоумением спросила моя сестра, учившаяся в уфимском техническом институте.

– Это успокаивает, – объяснила ей казашка.

Утром, как обычно, мы проспали время подъёма. Чтобы не опоздать, выйдя из общежития, тут же подошли к такси, стоявшему возле дома, и сказали водителю, куда ехать.

Следом за нами из дверей общежития вышел эстонец, тоже направился к такси.

– Поедет отдельно, в своём такси, – сказала казашка, – держит дистанцию!

Пока ехали, за Савеловским вокзалом увидели красные транспоранты на серых стенах угрюмых зданий по обеим сторонам улицы. В Москве готовились к очередной годовщине Октябрьской революции.

На Площади Восстания, где находилось здание курсов, его такси остановилось первым. Эстонец успел выйти из своей машины, подойти к нашей и открыть нам дверцу.

– Доброе утро! – вежливо улыбнулся он.

Мы тоже поздоровались и направились к дверям здания.

– Хочет показать, что он Европа, а мы Азия! – шепнула казашка.

– Нет, просто вежливый человек, он нам симпатизирует, – поправила я, – ему нравится, что мы тюрчанки, а он – лив.

– Что ещё за лив? – удивилась казашка.

– Раньше эстонцы назывались ливами.

Мы нырнули в тёмное здание курсов. Сегодня там должны были показывать фильм Микеланджело Антониони «Красная пустыня».

1970-е гг.

Ведьмы

Они встретились вечером на широкой улице среди громадных зданий в центре города, возле телеграфа, магазинов «Подарки», «Парфюмерия» и новой двадцатиэтажной гостиницы «Националь».

Одна недовольно постукивала маленькой лакированной туфелькой по громадной ступеньке у выхода из телеграфа, другая в такт ей водила бронзовой туфлей по неровному асфальту и щёлкала замочком сумочки.

– Мне надоел этот египетский зал, египетские статуэтки и льготные поездки в Сирию, Ливан, Египет! – сказала первая.

– А мне надоел бухарский Токи-Заргарон, самаркандский Шах-и-Зинда, Хива и Куня-Ургенч!

– Мне надоело разговаривать с Вильямом Сарояном, Абигом Авакяном, Мартиросом Сарьяном и Грантом Матевосяном!

– А мне надоел Басё, Акутагава Рюноскэ и «Тысячекрылый журавль» Ясунари Кавабата!

– Мне надоели Кижы, Норильск, дикий Уссурийский край и Камчатка!

– А мне надоел Лувр, Темза, синее небо Италии и площади Испании!

– Мне надоел этот центр, этот телеграф, универмаг, «Парфюмерия», «Подарочный» и это «Артистическое кафе»!

– И мне надоели! И мне!

В тот же миг со ступенек телеграфа взмыли вверх две ведьмы, одна поменьше, вторая побольше. Первая – в клетчатых брюках, в синей мохеровой кофте, с золотыми браслетами в ушах, носу и щиколотках, вторая – в вельветовом платье огненного цвета, бухарской вишнёвой безрукавке, чулках в резиночку и в стоптанных бронзовых туфлях со сбитыми каблуками.

– Где наше любимое капустное поле? – завопила первая, проносясь над тёмными крышами домов.

– Где наша любимая еда? – вторила ей вторая, отгоняя от себя и от своей подруги шёлковым платочком рвущиеся из бесчисленных дымоходов клубы дыма.

Через некоторое время они опустились на бархатное чёрное поле, на котором как чудесные аппликации сидели кочаны капусты. Они были ровненькие, кругленькие, цвета первого весеннего салата.

– Заходи слева! – закричала первая, снимая с плеча сумочку и засучивая рукава своей мохеровой пушистой кофты. Глаза её сверкали чудесным синим пламенем, щёки порозовели, она вырвала из земли большой кочан с краю, но о чём-то вдруг задумалась.

– Встретимся на середине! – донеслось с противоположного конца поля.

Отсюда казалось, что оранжевая бабочка с вишнёвым узором на крыльях опустилась на капустные грядки. И скоро

звонкий хруст заполнил тишину этого быстро темнеющего осеннего вечера. Маленькие кролики с подрагивающими носами и то и дело раздвигающимися в неверной улыбке губами стояли семьями у краёв поля, наблюдая за этим равномерным уничтожением капустных грядок. Они убегали к лесу, к дороге, к себе домой, звали соседей на помощь, те прибегали, смотрели, но ничего нельзя было поделать... Совхозная кошка, вышедшая на охоту за разжиревшими за это лето воробьями, выскочила к капустному полю и остановилась, глядя стеклянными зрачками на двух реющих над землёй, над кочанами капусты ведьм, а потом фыркнула и понеслась что есть духу в совхозный коровник, где уютные душистые коровы жевали в тёплом полумраке почти свежее сено. Но даже здесь, сквозь тихое гудение электродоильных аппаратов слышался этот ужасный хруст.

Когда ведьмы закончили с капустными грядками, они подожгли чужую дачу, поймали седого козла с грязной бородой и заставили его признаться, что он был некогда стройным красивым юношей с тонким красивым голосом. Затем взобрались на две разлохмаченные ветлы и стали так громко петь и заливаться ведьминым смехом, что целое поселение воробьёв, весело снующих по огромной мусорной свалке позади совхозных полей, вдруг решило как можно скорее сняться с этого места и подобно другим приличным птицам отправиться на юг, в тёплые края. Потом обе ведьмы остановили электричку и разнесли по воздуху всех пассажиров по

домам. «Потому что ведь лучше по воздуху, по чистому», – завывала в уши пассажирам первая. «Чем по ржавым, страшным рельсам», – подпевала вторая. А когда уже совсем стемнело, обе ведьмы встретились под дрожащими листочками преждевременно изъеденного жучками тополя, посмотрели друг на друга, окрест себя, на всю эту осеннюю развороченную природу и дружно вздохнули.

– Всё же мне, наверное, никогда не встретить человека, которым я могла бы действительно восхититься! – сказала первая, уронив руки и плечи и блистая своими чудесными, величиной с небо, глазами.

– А у меня, наверное, никогда не будет своей крыши над головой! – сказала со вздохом вторая.

Обе ведьмы посмотрели друг на друга, приблизились, обнялись, расцеловались и разлетелись в разные стороны: первая, меланхолично вздыхая, – в город из розового туфа и зелёных садов, где в домах живут спящие или бодрствующие загадочные люди с дугообразными бровями, где по улочкам бродят горбуны, карлики, красавицы и прекрасно одетые торговцы в лакированных туфлях, а вторая – в болота и туманные просеки пригородного района столицы, в двухэтажный дом с мезонином, верандой, садом, большая комната на первом этаже, топится дровами, пятнадцать рублей в месяц, без удобств...

Как мы ходили на спектакль в Театр Резо Габриадзе

Да, такого спектакля я уже давно не видел: куклы были очень смешные и всё делали, как живые люди, даже ещё лучше, и занавес был небольшой, но красивый, как будто из старинного шёлка зеленоватого цвета или из бархата, а сами артисты, которые после спектакля выходили раскланиваться и показывать кукол, были молодые, похожие на студентов, только один был седой и весь в чёрном. Но в зале было очень душно, режиссёр вышел в зал, извинился за жару. Я думал – он вышел, чтобы рассказать содержание пьесы, ведь спектакль шёл на грузинском языке, и хоть переводчик переводил, но это совсем разные вещи, когда переводчик голосом заслуженного артиста переводит слово в слово или когда автор рассказывает каждый раз по-новому, смешно получается, зрители смеются и запоминают, где смешно, и во время представления смеются в этих местах ещё громче...

Да, народу в зале было как в метро в часы пик, мы-то пришли на час раньше, потому что у нас было два билета на троих, и вошли в тёмный зал рано, поглядели на эти чёрные стены – оказывается, сейчас модно красить стены в театрах в чёрный цвет, а потом я заглянул в будочку позади зала с какими-то переключателями, хотел что-нибудь там подкрутить, включить, например, прожектора, наставленные на

сцену. Но Роза не разрешила, сказала, ничего трогать нельзя, мы же не в гости к кому-нибудь пришли, а в театр. Потом мы хотели пойти выпить соку в буфете, чтобы время быстрее шло, но в буфете стоял у стойки сам режиссёр и угощал своих друзей. Мы уже сказали ему: «Здравствуйте!», когда пришли в театр. А он сказал: «Проходите!» Не здороваться же ещё раз, ведь он знакомый наших друзей, а не наш знакомый. Потом я увидел старушку с программками, пробирающуюся между кресел – таких старушек с совершенно белыми волосами, с причёсками можно видеть в музеях и театрах. Роза сказала: «Пойди купи программку», и я побежал за старушкой и чуть не влетел через запасную лестницу в большой зал, там шёл спектакль Анатолия Эфроса «На дне». Я этот спектакль три раза смотрел, мы с мамой даже на репетиции ходили... Правда, там в спектакле есть такое место: женщина лежит на сцене и умирает, и мне каждый раз страшно делалось в этом месте, но вообще, спектакль мировой.

В конце концов нашёл я эту музейную старушку, купил у неё программку, хотел прочесть содержание, но в зале было темно, и написано не так интересно, и я подумал, что, наверное, спектакль будет нудный. Зачем только мама два дня доставала билеты, и мы ехали в метро с пересадками в такую жару? Словом, мы сидели в тесном зале на своих двух креслах и на одном чужом, не разговаривали, и только смотрели, как входят в зал разодетые люди, как они раскланиваются друг с другом и рассаживаются по местам.

Да, это были известные люди, артисты, артистки, знакомые нам по кино, например, Анастасия Вертинская, которую мы видели и на других концертах, на которые трудно попасть, она пришла с сестрой, а ещё этот режиссёр из Ленинграда в больших очках, который поставил спектакль про лошадь... Потом я увидел маминого друга – критика и бабушкину подругу-переводчицу. Роза тоже нашла знакомых, сразу стала с ними разговаривать: ах, какой замечательный театр, какое чудо, совершенно невозможно было достать билеты сюда, вам кто доставал, мне – сама Крымова, а нам, представьте, сам Ефремов. Потом они стали вспоминать поездку в Индию: «А в Японию вы поедете?» – «Да, я поеду!» – «И я поеду, только я не хочу ехать в круиз, какой интерес ночевать на своём корабле, а не в японской гостинице!» И так они всё время говорили и «понимали» друг друга, а мне хотелось выскочить оттуда, из этого душного зала, в котором все разговаривают не переставая, хотелось нырнуть в какой-нибудь бассейн или реку, только бы не сидеть здесь... Да ещё этот букет из тёмно-красных пионов, который мама наказала преподнести режиссёру, когда он скажет несколько слов перед началом спектакля, именно не в конце, а перед началом спектакля – наказала мама, улетая в Испанию и объясняя нам с Маленькой Маро, с кем мы пойдём в театр и как мы должны себя там вести. Роза тоже говорит: «Иди отдай цветы сразу, видишь, сколько народу, потом не пробьёшься, мы подарим режиссёру цветы заранее, в знак того, что верим

– спектакль будет прекрасный». «А я не верю, сказал я, – по моему, спектакль будет скучный, и я не собираюсь дарить этот букет режиссёру ни сейчас, ни после представления. Подарю его лучше той старушке, которая сидит впереди нас, смотрите, как она мучается от жары, хорошо, что веер у неё есть, сидит, обмахивается им. Откуда, интересно, у неё такой веер, из старинного спектакля, что ли? А, может, она сама играла в спектакле лет сто назад?» Роза сказала: «Перестань, чем тебе мешает эта старушка?!» И тут на сцену вышел режиссёр и сказал, что он бесконечно счастлив, что гастроли его театра проходят в стенах такого прославленного московского театра, потом извинился за жару и ушёл, спектакль начался. Сначала я думал о разных вещах, например, не попадает ли старушка своим веером по носу соседке или не свалятся ли вниз люди, на головы сидящим в партере женщинам, которые сидят у прожекторов наверху, там даже загородок никаких нет, а ещё я думал, хорошо бы открыть двери, ведущие в зал, устроить сквозняк, а то дышать совсем нечем. Потом я вспомнил, как в одном театре во время представления начался пожар, народу было много, зрители не сразу поняли, что это не от жары жарко, а от пожара, а когда увидели – было поздно, уже весь театр горел, началась паника, двери оказались запертыми, одну только дверь смогли открыть, и все бросились туда, получилась давка, спаслись не все, да, были жертвы, так я слышал, вот такая история, не помню только, кто об этом рассказывал... Ну, то есть я

сидел и смотрел на сцену, а сам думал о всяких таких вещах, потому что... ну, что такое кукольный театр? Мы знаем! Это куклы, которых артисты дёргают за верёвочки, куклы двигаются, говорят неестественными голосами, поют и пляшут, и всё потом кончается хорошо... Потом я начал смотреть на одну куклу, которая была одновременно и птицей, и человеком, её звали Боря, голос у куклы был звучный, красивый, как у какого-нибудь заслуженного артиста Грузинской ССР, запоминающийся голос, ничего не скажешь... И этот Боря, когда умер его друг, шарманщик Варлаам, стал заботиться о его подруге, старушке Домне, но помочь как следует не смог, поэтому взял и ограбил банк, какой-то коммунальный банк ограбил и стал приносить Домне двадцатипятирублёвки. Он сочинял, что эти деньги принесло ему ветром, или что он нашёл их на берегу речки, но потом, конечно, начальник милиции, который разъезжал на коне, арестовал его и посадил в тюрьму. А до этого, до тюрьмы, когда у Домны появились деньги, Боря сказал: «Давай, Домна, пожалеем одного бездомного, он хороший человек, он помог слепой девушке, ей сделали операцию в клинике Филатова, и она прозрела, но только потом вышла замуж совсем за другого человека, а не за своего спасителя, и этот хороший человек стал скитаться, бродягой стал». И я подумал, о каком, знакомом он говорит? И вдруг появился Чарли Чаплин, точно такой, как в кино, только малюсенький, он стал расхаживать чаплиновской походкой, размахивать тросточкой, приподнимать шляпу и

кланяться. Ну, это было здорово! А потом он положил голову на колени Домне, и она его пожалела... Да, было здорово! Но грустно! Я чуть не заплакал. И дальше всё было грустно. Суд приговорил Борю к пожизненному заключению в витрине охотничьего магазина, и Боря запел: «Перестаньте летать надо мной, журавли!» Потом появился начальник милиции на своём коне и закричал: «Боря, скорей лети на кладбище, твоя Домна умерла!» Боря вылетел из витрины, и тут чучело охотника выстрелило в него, и Боря упал. Раненый, дополз до кладбища, до могилы Домны, и там умер. Потом показали звёздное небо, как там все встречаются: Домна, Боря, шарманщик Варлаам.

На этом всё закончилось. Зажгли свет, вышел режиссёр и стал раскланиваться и извиняться за жару. Все вокруг хлопали, а мне хотелось поскорее выскочить из зала. Я никого не хотел видеть. Потому что... я ведь тоже иногда бываю как Боря! Как было бы хорошо, если бы мы иногда могли быть куклами! Мы бы тоже говорили о том, как любим друг друга, как жалеем... А так, в жизни разве про это скажешь? Вот встанешь утром, пойдёшь в другую комнату, а навстречу Маро, мы её зовём Большая Маро. Она скажет: «Встал? Именно такого внука я себе и хотела! Идём завтракать!» И начинается день, в котором много таких разговоров... Если мы идём, например, по городу все вместе: я, Маленькая Маро, Большая Маро, мой дядя Ашот, идём, вокруг нас миллион людей, все куда-то спешат, бегут, и мы спешим, никого в ли-

цо не разглядываем, замечаем только, кто как одет, в какие футболки, штаны, кроссовки, а на лица уже не смотрим, не обращаем внимания, а уж кто что думает или чувствует – совсем не знаем! Большая Маро скажет: «Вон, идёт машина, Ашот, возьми детей за руки, а то попадут под машину! Ах, какое движение, какая толпа! Как вы тут живёте?!» Ну как я могу сказать в такую минуту Большой Маро, что я всё вижу, знаю?.. Нет, не могу сказать, не получается.

Только маме я иногда могу сказать слова, которые куклы в театре друг другу говорят. Потому что, во-первых, мама больше всех походит на кукол этого театра, у неё такие же глаза, волосы, даже платья красивые, как у них. В одном спектакле есть кукла, очень похожая на неё – Виолетта... А во-вторых... бывают у нас с мамой такие минутки... Вот, например, вчера вечером, когда мы погасили свет и засыпали в большой комнате, мы сначала поговорили о разных вещах: о том, что надо пойти завтра в больницу к дяде, он уже неделю там лежит, надо навестить, и что за телефон счёт прислали на целых сто рублей, ужас какой, и что хорошо бы достать путёвки в Дубулты, отдохнуть там всем вместе, и ещё о многих таких вещах. А потом мы замолчали, в комнате было темно, тихо, только в окне виднелись небо, ветки деревьев, и вдруг мне показалось, что мы тоже куклы, что мы лежим на дне большого тёмного сундука и ждём, когда нас выпустят на свет, на сцену, где мы будем петь, играть и говорить настоящие слова о жизни, смерти, любви, разлуке, мы будем

клясться в любви друг другу и умирать друг за друга, и это будет грустно, но прекрасно... Так мне показалось в темноте, так подумалось, и я протянул руку, нащупал волосы мамы, погладил их и сказал: «Ах, ты, моя Виолетта!» А она засмеялась и сказала: «Я не Виолетта, я – Домна, а ты – мой Борис... Вот только кто Варлаам, где третий наш друг? Скажи!»

История про разные точки Земли

Кто-то не поехал куда-то. Туда, куда ему очень хотелось поехать. Не просто так – к кому-то. Этот, к кому хотели поехать, тогда приехал сюда сам. Чтобы жить рядом с тем, кто хотел поехать туда и не поехал. Но ничего хорошего из этого не вышло. Потому что тот привык к своему, а этот – к своему. Оба очень загрустили. Хотя и любили друг друга так, как не бывает. Оказывается, в одной точке земного шара живётся так, в другой – совсем по-другому. И если сначала долго живёшь в одной точке, а потом переезжаешь навсегда в другую, то очень скучаешь по прежней жизни, если даже здесь неплохо и ты рядом с тем, кого любишь.

И тогда я, подруга своей подруги, сказала, что в этом деле трудно помочь и что, может, лучше сделать какой-нибудь воздухоплавательный корабль и отправиться на нём... в третью точку земного шара, на пустынный остров, который никому не принадлежит и который не будет напоминать им ни про первую, ни про вторую точку, если к тому же они выпьют там сок травы, который отбивает у людей память хотя бы на некоторое время. И пусть они на этом острове начнут новую жизнь. Им, конечно, придётся немало потрудиться, потому что они будут жить как первобытные люди или как Тур Хейердал и его жена на острове Фиджи, потом у них родятся дети, такие же зеленоглазые, белокожие и талантли-

вые, как она, и такие же черноглазые, смуглокожие и талантливые, как он. И они положат начало новому племени, новому народу.

Но оба покачали головами и сказали, что такого острова, который никому бы не принадлежал, нигде уже нет. И что они не такие замечательно здоровые люди, чтобы быть достойными основателями нового народа. И что они не так надеются на себя, как мужественный Тур Хейердал и его жена. К тому же они любят книги, кино, улицы, на которых звенят трамваи и расположены маленькие закусочные, на которых написано «Горячие сосиски с капустой», «Чебуреки» или просто «Кафе».

Потом я люблю переводить книги с одного языка на другой, сказала моя подруга, и ещё люблю маму, папу, сестрёнку, брата – как же я их оставлю? – а ещё я люблю таких рассудительных подружек вроде тебя, без советов которых так трудно жить на свете!

Поэтому на остров, который никому не принадлежит, я не поеду, сказала она. А что он сказал, я не знаю, потому что ведь я только подруга моей подруги, мы с ним совсем из разных точек земного шара, из таких, которые не на одной линии, которые никогда нигде не пересекаются, разве только в каком-нибудь учебнике стереометрии...

Феи-фурии

Майе Нейман и Анаит Баяндур

– Весна! Весна! Пора на вернисаж!

– К художникам! На весенние пейзажи!

– В подвалы! На чердаки! В мастерские!

– Хватит задыхаться в наших тесных кооперативных квартирах!

– Пора глотнуть чистого воздуха природы и искусства!

Так кричали три феи или три фурии, зависит от того, как на них взглянуть, вынырнув в центре города из подземного перехода: одна в распахнутой чёрной дублёнке, с развевающимися чёрными волосами, вторая – в кожаном пальто, бордовом берете и оранжевом платке, третья – в бирюзовой шали под цвет своих бирюзовых глаз, сером лёгком пальто и белых ботинках.

Шёл снег с дождём. Температура была ноль градусов.

Они неслись по воздуху, почти касаясь мокрого асфальта туфлями, сапогами и ботиками, чихая и кашляя, отворачивая покрасневшие носы от порывов ледяного ветра, налетающего из переулков. Но всё-таки их лица были прекрасны, так им, по крайней мере, самим казалось, когда они взглядывали друг на друга, радуясь этой неожиданной встрече здесь, в центре города.

– Я хочу видеть Таити! Где мой любимый Гоген? – кричала одна из них.

– Дорогая, Гоген – в музеях мира, нам туда не добраться! – возражала вторая.

– Сезанна и Дега! – требовала третья. – Синее матиссовское окно с марокканским пейзажем!

– Просто вы не знаете Минаса Аветисяна! – кричала одна из них. – В одной его маленькой картине больше солнца, чем во всех картинах французских импрессионистов!

– Белое на белом! Белое на белом! Это так изысканно! Где этот художник? – спрашивала одна из них, взмывая вверх и в сторону.

– Белое на белом – это очень холодно! И потом его картины далеко! – возражала вторая.

– Арбузы! Вы помните картину «Едоки арбузов»? Хотя бы один маленький арбузик на маленькой картине?! – умоляла третья.

– Арбузы тоже далеко! – говорила первая.

– Куда же мы полетим?

Феи в растерянности остановились и спустились на землю.

– Смотрите, одуванчик! – вдруг сказала одна из них, указывая чёрным перчаточным пальцем на жёлтый цветок, выглядывающий из земли, рядом со строящимся зданием, возле которого на доске чернела надпись «СМУ № 5 ведёт строительство комплекса № 525».

– Какой маленький! Какой хорошенький! – запищали все три феи слегка охрипшими, но всё-таки мелодичными головами, и они застыли на мгновение, любуясь этим храбрым цветком, не побоявшимся выглянуть на свет в эту ужасную погоду в этом холодном скрежещущем городе.

– Значит, действительно весна! Мы ничего не перепутали! – вскричала одна из фей, сморкаясь в тонкий кружевной платочек, купленный на днях в знакомом комиссионном магазине.

– Да! Да! Значит, весна! – согласились подруги и полетели дальше.

На Тверском бульваре чернели липы. На скамейках было пусто. Пенсионеры, обычно сидевшие на них в любую погоду, сегодня отсутствовали, видимо, прятались в своих, всё ещё отапливаемых квартирах. Весной на бульваре и не пахло.

– Смотрите! Опять! – сказала одна из фей и указала пальцем, посиневшим от холода, куда-то в сторону и вниз.

У чугунной решётки за одной из лип стоял маленький, высотой с пятилетнего ребёнка, кустик, весь усыпанный жёлтыми пушистыми комочками.

– Верб! – ахнули феи.

Они подлетели ближе и слегка коснулись нежных пушистых комочков губами. Постояли минутку, любуясь светящимся кустиком, и полетели дальше.

Гул машин, мчавшихся по улице Горького, становился всё

зловещее.

– Послушайте, я вся продрогла! – воскликнула одна из фей, самая нежная. – Если мы сейчас же не окажемся в тепле, я превращусь в ледышку! В ледяную куклу!

– И я! – вздохнула вторая.

– И я! – вздохнула третья.

– Ах, вспомнила! Тут недалеко есть мастерская, где очень тепло и уютно! И полным-полно картин! – воскликнула одна из фей. – За мной!

И она стремительно полетела вдоль бульвара, свернула в узкий переулок, влетела во двор, тёмный и длинный, заставленный ящиками из продовольственного магазина, мусорными баками и автомобилями со спущенными шинами, поднялась вдоль стеклянной шахты дома и влетела в чердачное окно, слегка толкнув раму с пыльным стеклом.

Подруги влетели за ней. Нашли выключатель, зажгли свет. И растерянно переглянулись. Стены мастерской зияли скучными светлыми прямоугольниками. Там, где раньше висели картины, сейчас было пусто.

– Что же это такое? – сказала одна из фей.

– Может, их украли? – сказала вторая.

– Может, он переехал? – сказала третья.

– Я сейчас умру от холода! – сказала самая нежная из них.

– И я! – прошептала вторая.

– И я! – пропела третья.

– А-а, знаю! – сказала одна из них, самая сообразитель-

ная. – Их, наверное, унесли в Манеж. Там сейчас ретроспективная выставка молодых, которым сейчас под сорок-пятьдесят!

– Не везёт так не везёт! – сказала вторая.

– В Манеж не пойду! – категорически заявила третья. – Толкаться среди людей я не намерена. – И она с гордым видом взглянула на подруг.

Все трое немножко помолчали.

– А может, если картин нет, то есть чай? – робко произнесла одна из них, та, что больше других любила чай. – По-моему, в мастерских художников всегда бывает кофе или чай...

– Или что-нибудь покрепче! – сказала самая язвительная.

Через минуту действительно нашёлся чай в жестяной коробочке с нарисованными на стенках пейзажами, сахар в простой стеклянной банке с полиэтиленовой крышкой и сухое печенье в бумажном кулёчке не первой свежести...

Нашлись и чашки, старинные, может быть, даже из китайского фарфора, во всяком случае, когда их вымыли, они засверкали чудесной белизной и нежным рисунком на тонких прозрачных стенках.

Спустя некоторое время три феи сидели вокруг довольно чистого низкого стола, накрытого скатертью, на тяжёлых деревянных стульях с высокими спинками и медленно, с наслаждением пили чай маленькими глоточками, обжигаясь и дуя в чашечки. И очень скоро их лица порозовели и стали, действительно, прекрасными, это были именно феи, никто

бы не посмел сейчас назвать их фуриями.

– Ну, как хотите, а я всё-таки чувствую весну! – сказала одна из фей и с чувством собственного достоинства посмотрела на подруг. – Я вспоминаю картину одного старинного художника, кажется, итальянского, там был чудесный пейзаж: нежная зелень, дерево на переднем плане, на ветке сидит маленькая птичка и поёт, и я прямо слышу сейчас, как она поёт!

– Когда я была маленькая, я помню, сама нарисовала картинку со скворечником, все говорили, что это весенняя картинка, в ней есть настроение! – задумчиво сказала вторая.

– Раз уж весна, давайте превратимся кто в кого хочет! Нельзя же всё время оставаться феями! – предложила третья.

– Согласна! Сейчас превращусь в маленькую чёрную собаку! – воскликнула одна из них, самая экспансивная. – Знаете, бывают такие смешные собаки с длинными ушами, когда бегут, уши – до земли!

– Как ты можешь? – сказала вторая. – Ты красавица и вдруг станешь собакой? Нет, это невозможно!

– Если я красавица, мне не страшно на минуточку стать собакой или кем-то ещё! – гордо сказала экспансивная.

И она тут же стала потряхивать длинной чёрной кудрявой шерстью.

Вторая молча превратилась в стройную хрустальную вазочку с едва заметной трещинкой, и вазочка очень украсила

собой скромную скатерть на столе.

Третья стала цветком царственного вида, правда, без нескольких лепестков.

Они побыли некоторое время в новом облиии, с любопытством поглядывая друг на друга, потом самая умная из них сказала:

– Хватит, много нельзя!

И они снова стали феями.

– А может, нам подумать о чём-нибудь важном? Или о ком-то дорогом? – произнесла одна из фей.

– Я могу думать только о Млечном Пути, сверкающем на зимнем морозном небе! – вскричала вторая.

– А я о никому неизвестной мушмуле, цветущей в горах! – сказала третья.

– А я вот, действительно, могу подумать о ком-то дорогом, – сказала первая.

– Не забывай, дорогая, что все, о ком мы можем подумать, – просто люди, они слепые, и, значит, они нам не равня! – назидательно сказала третья.

– Да! – с важностью подтвердила третья.

– Но ведь в каком-то смысле мы тоже люди! – запротестовала одна из них. – Я, например, всё время думаю, что будет с нашими детьми!

– И с племянницами! – вздохнула вторая.

– И с теми, кто родится от них! – сказала третья.

Все трое опять усталились друг на друга.

– Что будет, то будет! – сказала самая умная из них. – Мы не можем прожить за них их жизнь! Пусть проживут так, как смогут! Как сумеют!

– Но, может, помолиться за них? – робко спросила первая из них.

– Молись, если веришь, что тебя услышат! – сказала самая суровая.

И они опять замолчали. Может, они и молились, кто знает!

– Московское время – семнадцать часов! – сказал ещё один голос. – Говорит радиостанция «Юность».

И заиграла музыка. Феи мгновенно вскочили, засуетились, вымыли под краном чашки, убрали сахар и печенье, подмели мастерскую, выключили воду, газ, вынули из сумочек пудреницы, навели порядок на лицах, махнули пуховками, провели помадой по губам, захлопнули сумочки, поправили шарфики, береты, платки, открыли тяжёлую дверь и чинно спустились по широкой лестнице на первый этаж, прошли мимо изумлённой вахтёрши-лифтёрши и очутились на улице.

Быстро и молча зашагали к станции метро, с треском выбили пятикопеечные монеты из крепких автоматов, стоящих в вестибюле, благополучно прошли через турникет, спустились по эскалатору, нашли свои направления и одна за другой прыгнули в разные вагоны, увозящие их в разные стороны столицы. Вечером, однако, созвонились.

- Дорогая, я всё-таки чувствую весну! – сказала первая.
- И я! – призналась вторая.
- И я! – сказала третья.
- Какое счастье! – сказали все три феи хором.

Трансатлантический рейс

Армянская поэтесса Маро Маркарян, автор десятка поэтических книг, мать двух одарённых детей, бабушка трёх красивых внучат, летела трансатлантическим рейсом из Еревана в Нью-Йорк вместе с двадцатью девятью другими армянами – писателями, учёными, артистами, которые были приглашены американскими коллегами на дружескую встречу при содействии Советского общества по связям с зарубежными армянами, разумеется.

Самолёт, в котором летела Маро, представлял собой чудо техники: в нём были телефон, телевизор, бар, ресторан, сауна и другие достижения современной цивилизации... Тем не менее через час после вылета похожая на «Мисс Америку» стюардесса хорошо поставленным мелодичным голосом произнесла на русском, английском и армянском языках: «Пожалуйста, наденьте спасательные жилеты. Наш самолёт терпит аварию. Под нами океан».

И через несколько мгновений Маро Маркарян вместе с другими членами армянской делегации вылетела через запасной люк из самолёта и понеслась над волнами Атлантического океана, сверкавшего в лучах осеннего солнца.

– Какая красота! – восхитилась Маро, увидев перед собой необозримые волны Атлантики и необъятное голубое небо. – Разве из окна самолёта можно увидеть такое?

Но тут она коснулась ногами поверхности океана и ушла под воду. Вынырнула, беспорядочно забила руками, ногами по воде и поплыла куда глаза глядят...

– Как быстро промелькнула жизнь! – подумала Маро. – Неужели придётся расстаться с ней здесь, в этом безликом пространстве, вдали от родных мест?.. А что будет с рукописью, сданной в издательство? Кто её вычитает? Этот мерзавец Томзян воспользуется случаем и испоганит её!

И она энергично забила по воде руками.

Потом она вспомнила дочь Анаит, которая порхает по театрам, музеям, выставкам и гостям, а когда до сдачи романа, который она переводит, остаётся неделя, сидит ночами, глотая кофе. Разве это нормально? А сын Ашот? Увлёкся абстрактной живописью, в картинах одни цифры, знаки, сплошные пересечения линий. А ведь может, может создать прекрасную человеческую, всем понятную картину! Нет, надо ещё раз с ним поговорить. Потом Маро вспомнила внука Агу. Не может он осилить эту проклятую математику, не может, не может! Что же делать? Почему не все учителя так прекрасны, как этот Амонишвили, которого недавно показывали по телевизору? Или Шаталов, Ильин?

Маро поплыла быстрее. В стороне она увидела физика Варгана, который вынырнул из воды, бросил прощальный взгляд вокруг себя и снова погрузился в океан. Маро поспешила к нему и, дождавшись, когда он снова появится на поверхности, обратилась к физику с проникновенной речью.

– Вартан! – сказала она. – Ты что, решил остаться здесь? Жена твоя ждет тебя с подарками, детям ты обещал привезти какую-то электронную игру из Америки... Забыл?

Вартан задумался, кивнул и, решительно выбросив руки в стороны, поплыл каким-то доселе невиданным стилем...

Маро поспешила к подруге Шохик, которая беспомощно покачивалась на воде, бросая вокруг отчаянные, умоляющие взгляды...

– Шохик, ты не застудишь горло? – спросила, подплывая ближе, Маро. – Не забывай, тебе выступать в «Метрополитен-опера», слушать тебя будут не только армяне!

Шохик с изумлением посмотрела на Маро, потом прокашлялась, взяла верхнюю ноту, улыбнулась и сказала: «Не беспокойся, Маро, горло у меня в порядке...», и кокетливо поворачиваясь всем телом влево и вправо, грациозно поплыла вперед.

Тут Маро заметила писателя-историка Рубена, этот лежал на спине и вяло перебирал руками, ногами.

– Отдыхаешь, Рубен? – спросила Маро. – Написал три романа и думаешь, хватит? Сделал своё дело? Должна тебе сказать – главной своей книги ты ещё не написал!

Рубен перевернулся на спину, и Маро увидела его покрасневшее лицо.

– Ты никогда не считала меня талантливым человеком! – сказал он. – Когда пятьдесят лет назад я прочёл тебе свой первый рассказ, помнишь, что ты мне сказала?!

– Рубен! – прервала его Маро. – Ты талантливый писатель, тебя все любят! Ты наш Рубен! Но ведь главной своей книги ты ещё не написал! Поверь! Так что не расслабляйся и возглавь наш заплыв. Ты самый уважаемый человек в группе!

Рубен величественно развернулся и подобно полководцу, бросающемуся в битву, ринулся вперёд к американскому берегу, поплыл стилем баттерфляй, которым блестяще плавал лет пятьдесят назад...

Через некоторое время делегация творческой интеллигенции города Еревана дружно плыла в сторону американского континента, направление подсказывал астрофизик из Бюракана, который за неимением приборов определял путь по звёздному небу, подобно древним пастухам и мореплавателям...

Ещё через некоторое время группа уже не плыла, а бежала по синим волнам... Спустя некоторое время – летела над безбрежными просторами Атлантического океана, вглядываясь вперёд, не видна ли суша.

Выплывающие из глубин океана рыбы с изумлением смотрели на эти гигантские вытянутые существа, гадая, относятся ли они к летающим рыбам или не относятся?.. А пролетающие мимо птицы с опаской облетали эту галдящую стаю стороной.

На пустынном побережье американского континента два офицера береговой охраны привычно следили за экраном радарной установки, обзоревающей воздушное простран-

ство в радиусе ближайших двух тысяч километров.

Вдруг один из офицеров встрепнулся.

– Вижу движущийся объект! – воскликнул он. – Группу объектов! Что бы это могло быть? Для самолётов они движутся слишком низко. Для ракет – слишком медленно!

Встревоженные офицеры покинули рубку и вышли на пустынный берег.

По небу, направляясь к ним, неслась лохматая туча. И когда она приблизилась, стали видны кричащие и размахивающие руками люди в развевающихся одеждах. Один за другим они опускались на берег и, протягивая вперёд руки, бежали навстречу офицерам.

– Кто вы? – спросил американский офицер, тот, что был постарше.

– Мы из Армении! – ответила ему женщина с сияющей улыбкой, женственно склонив головку к плечу. – Меня зовут Маро Маркарян. Мы прибыли на дружескую встречу с американскими коллегами. Миленькие, скажите, пожалуйста, где тут у вас телефон? Нам надо срочно позвонить в Ереван, сказать нашим близким, что мы благополучно долетели!

Ошеломлённый офицер провёл членов прибывшей делегации в гостиную-салон, и пока экстравагантные гости приводили себя в порядок, умывались, причёсывались и угощались горячим кофе, коньяком и огромными, чисто американскими сэндвичами с ветчиной, сыром и томатным соусом, Маро Маркарян взволнованно кричала в телефонную труб-

ку: «Ага-джан! Ага-джан! Это я, Маро!..»

Весна девяносто первого

– Решено! Буду поступать в ветеринарный! – заявил Ага. – Лучше иметь дело с животными, чем с людьми! По крайней мере, они не стреляют друг в друга, не ходят каждый день на митинги и не ищут повсюду историческую родину и исторических врагов!

– Поступай в ветеринарный, если хочешь! – пожалала плечами Анаит. – Только учти, там надо сдавать физику, химию, математику!

– Найду учителей, буду заниматься! – сказал с достоинством Ага.

– Найди, – пожалала плечами Анаит.

Целую неделю Ага занимался с кандидатом наук, бравшим за час занятий по двадцать рублей. В результате учёбы Ага узнал формулу воды, состав сливочного масла, французских духов и армянского коньяка, о чём и сообщил родным.

– А состав чёрного кофе, бразильского, знаешь? – лениво поинтересовался дядя Ашот, не доверявший репетиторам.

– Три чайные ложки на стакан воды! – гордо ответил Ага.

– Вот и неверно – четыре ложки, если хочешь, чтобы кофе был вкусным! – поправил Ашот.

Учёба продолжалась. Но когда в начале марта ереванские крыши просохли и приобрели по-весеннему тёплый охристый оттенок, а на улицах появились деревенские старушки

в клетчатых шалях, продающие букетики фиалок и подснежников, Ага затосковал.

– Хочу увидеть бенгальского тигра! Горную куропатку! Очковую змею! Ахалтекинскую лошадь! Башкирскую пчелу! Африканского слона! Почему ереванский зоопарк закрыт? – вопрошал он.

– Дружочек, поезжай в Москву, сходи там на Птичий рынок, кого-нибудь из тех, о ком спрашиваешь, найдёшь! – посоветовал Ашот.

Конечно, этот совет был мудрым, хотя и продиктован отчасти эгоистическими соображениями: художник Ашот Баяндур мечтал побыть хоть немного в творческом одиночестве. И не ломать каждое утро голову над тем, что приготовить на обед родителям и племяннику с таким прекрасным аппетитом.

Ага так и сделал. Сходил в кассу Аэрофлота и купил билет. Попрощался с изумлёнными бабушкой и дедушкой, сухо кивнул Ашоту и поехал автобусом в аэропорт. Самостоятельно, первый раз в жизни совершил перелёт из Еревана в Москву.

Но как же он был разочарован!

Московский зоопарк возле метро Краснопресненская был закрыт. Собака Наташи Крымовой оказалась на даче, у Наташиной тётки. Хомячок сына Лены Мовчан зимой куда-то сбежал, вместо него у сына Лены появилась невеста.

На Птичьем рынке, прежде таком многолюдном, стоял

один старичок с грязным аквариумом в руках, в котором еле-еле шевелились две ничем не примечательные рыбки гуппи.

На Измайловской толкучке, где раньше можно было увидеть рядом с картинами безвестных, но порой и талантливых художников, с неизменным упорством запечатлевающих бесчисленные церкви и виды Золотого кольца России, и продавцов щенят, сиамских кошек, черепах и даже ужей в плетёных корзинках, теперь было пусто. Лишь грохоча разъезжал трактор, снося забор, а на фонарном столбе был криво прибит щит с гордой надписью «Гольф-клуб».

– Мама, неужели в Москве не осталось никаких животных? – мрачно спросил Ага у матери, вернувшейся с головной болью и сердцебиением с сессии Верховного Совета СССР.

– Выйди на улицу, там полным-полно собак! – ответила Анаит, безуспешно разыскивая в холодильнике хоть какой-нибудь продукт, кружочек колбасы, кусочек масла.

– Это уже не собаки, это почти люди! – возразил Ага. – Они выходят на улицу только для того, чтобы сделать своё дело. Не прыгают, не скачут, не ведут себя как собаки – шагают смирно рядом со своими хозяевами, мрачные как люди, противно смотреть!

– Хочешь, в воскресенье сходим на ипподром? – спросила Анаит, нашедшая наконец банку с вареньем и пачку прошлогоднего печенья. – На лошадей посмотрим!

– На которых ездят, чтобы выиграть деньги? – спросил

Ага. – Я слышал, некоторые жокеи нарочно придерживают своих лошадей, чтобы приз достался тем, с кем договорились! Из-за денег! Нет, по-моему, лошадь должна быть дикой, пастись на лугу или в саванне, или у неё должен быть один хозяин, который о ней заботится!

– Знаешь, скоро грачи прилетят! – сказала Анаит.

– Грачи ещё не скоро, – вздохнул Ага.

– Ну хорошо, завтра я еду на дачу к одному депутату, подписать важное письмо, у него есть сенбернар, поехали со мной? – предложила Анаит.

– Сенбернар? – обрадовался Ага.

На следующее утро поехали на Киевский вокзал. В вагоне метро напротив них оказался туркмен с оранжевым лицом в мохнатой шапке.

Ага залюбовался им. Наклонился к матери, шепнул: «Давай когда-нибудь поедem в Туркмению! Посмотрим на пустыню, на всяких змей, черепах, верблюдов!»

На остановке туркмен поднялся и направился к выходу. На отвороте его пальто блеснул значок.

– Депутатский! – опытным взглядом определила Анаит.

– Кругом одни депутаты! – вздохнул Ага.

На даче знакомого не оказалось. Калитка, закрывающая вход в сказочный заснеженный сад, была заперта на щеколду и красовалась записка: «Извините. Уехал на митинг».

Повернулись, побрели обратно к станции. Ага стал прыгать в подтаявшие сугробы по сторонам дороги, пытался со-

рвать веточку с сосны, передразнивал ворон, сидящих на заборах дач.

– Кар-р! Кар-р! Кар-рлуша! Папа Кар-рла! – кричал он.

– Кар-рабах! – ответила одна из ворон.

И Ага сразу притих. Понурившись, побрёл к станции.

В следующие два дня Ага не выходил из дома. Лежал на диване и листал книжки, доставая их с полок, из-под дивана, шкафа. Раскрывал на любой странице и читал Сеттон-Томпсона, Даррэла, Киплинга. Другие попадавшиеся ему книги, даже юмористические или детективные, безжалостно отбрасывал в сторону.

На третий день вышел погулять, поехал в центр.

И когда Анаит, вернувшись домой поздно вечером, ещё с порога прокричала: «Победа! Представляешь, они подписали декларацию!», – она заметила, что Ага понурившись сидит посреди комнаты в куртке, шапочке, мокрых ботинках, от них по полу растеклись лужи.

– Выходил на улицу? Гулял? – весело спросила она, снимая с его головы шапочку и протягивая бутерброд с колбасой, принесённой из буфета московского Белого дома.

Ага кивнул.

– Что интересного видел? – спросила Анаит так же весело.

– В Елисейском видел медведя.

– Медведя? – удивилась Анаит.

– Северо-американский подвид бурого медведя, – пояснил Ага.

– Что ещё видел? – растерянно смотрела на него Анаит.

– Погулял по Тверскому. Видел там много стариков и старушек. На скамейке с ними посидел. На дереве увидел белку. Обыкновенную, с облезлым хвостом. Были бы у меня орешки, покормил бы. У Маяковского свернул во двор, оттуда выскочила собака, похожая на собаку Баскервилей. Прыгнула в чёрную «Волгу» и умчалась в сторону Кремля.

– Хватит! – нахмурилась Анаит.

– Почему? – пожал плечами Ага. – Ты же меня спрашиваешь, что я видел? Вот я и отвечаю. А когда проходил мимо какой-то компании, советско-индийской, там в витрине сидел человек с пёстрой лентой на голове.

– Конан Дойл! – улыбнулась Анаит. – А в метро спускался? Может, там ты увидел свою любимую Багиру? Чёрную как ночь?

– Нет, Багиру не видел, – покачал головой Ага. – Но видел птичку колибри, красно-сине-зелёную. Она влетела в туннель на станции метро Маяковская, а когда я поднялся в город на станции Свердлова, она уже была там, сидела на голове Карла Маркса.

– А на Манежной был? Митинг видел? Я там была...

– На Манежной был, митинг видел, но тебя не видел. И на Маяковской видел митинг, и на Пушкинской. Когда шёл по набережной, по Москва-реке плыли крокодилы, сто зелёных крокодилов плыли на митинг против серых крокодилов.

– По-моему, ты заболел! – Анаит подошла к нему, потро-

гала лоб. – Холодный. Что всё-таки с тобой?

– Мне плохо, – сказал Ага. – Не знаю, как жить дальше. С людьми очень трудно. Всех жаль. И армян, и азербайджанцев, и латышей, и литовцев, и москвичей – всех! С ума все походили!

– Подожди! – вскочила Анаит и выбежала за дверь. Вернулась с котёночком на руках, рыженьким, в белых пятнышках.

– У Лакшиных взяла, – сказала она. – Налей ему молока. Ага принёс блюдце, налил из пакета молока, стал смотреть, как котёнок аккуратно лакает с блюдца, сладко причмокивая.

– Смешной! – сказал Ага. – Но отнеси обратно, наверное, он Лакшиным самим нужен.

Вдруг скрипнула форточка. Анаит и Ага повернулись к окну. На форточке сидел воробей. Чирикнул, свистнул и улетел.

– По-моему, он как-то по особому, по-весеннему чирикнул! – сказал Ага.

– Именно – по-весеннему! – согласилась Анаит.

И оба наконец улыбнулись друг другу.

В час, когда я насмерть ранен

– Ага, посмотри, сколько на термометре? – осипшим голосом сказала Анаит, высовывая взлохмаченную кудрявую головку из-под старенькой мерлушковой шубы, под которой она проспала эту жутко холодную ночь.

– Опять я, всё я, – заворчал Ага, но всё же вылез из-под необъятного ватного одеяла, прошёлся ногами в шерстяных полосатых носках до книжной стенки, нашёл комнатный термометр, взгляделся. – Десять градусов выше нуля. Нет, девять!

– Вчера было восемь, уже теплее! – преувеличенно бодро сказала Анаит. – Теперь поставь чайник и посмотри, как там Маро и Серго.

Ага влез в расплзающиеся, в серо-бурых пятнах валенки Серго, направился на кухню. По пути изобразил самолёт, терпящий катастрофу.

– Перестань! – прикрикнула на него Анаит. – Хватит с нас падающих самолётов!

Оказавшись на кухне, Ага зачерпнул ковшиком воды, припасённой ещё с вечера, налил в громадный алюминиевый чайник, зажёл газ импортной зажигалкой, подаренной недавно дворовым дружкой Вартаном, поставил чайник на плиту.

Затем направился в комнату Серго, остановился возле вздыбленной горы из одеял, покрывал, пледов.

– Серго, проснись, я тебе валенки принёс, – и Ага вылез из бурых валенок, надел шлёпанцы Ашота. – Проснись, я чай поставил!

– А я и не сплю, – высунулся Серго из-под подушек. – Я уже два часа обдумываю начало статьи о лирике Ованеса Туманяна...

– Не обдумывай, сразу пиши, а то опять забудешь, – сказал Ага.

– Очки разбились, не вижу ничего, и руки мёрзнут, – Серго скинул последний плед и спустил ноги в толстых шерстяных носках на пол.

– Хочешь, я прочту строчку? «Так сделай, злобный человек, чтоб все живые жить могли. И сам живи, вкушая мир обильной благостной земли...»

– Ладно, за завтраком продолжишь, – улыбнулся Ага и направился в комнату бабушки.

Когда Ага вошёл, Маро, лежащая на тахте с обвязанной лиловым шарфом головой, не открывая глаз, сказала: «Не трогайте меня! Я вижу сон, будто я в отеле, в Нью-Йорке, разговариваю с Уильямом Сарояном!»

– Когда это было? Двадцать лет назад, когда ещё я не родился?! – покачал головой Ага. – Вставай, я яичницу сейчас сделаю, из десяти яиц!

– А что, у нас есть яйца? – удивилась Маро и открыла глаза.

– Гаяночка вчера принесла. Ей в консерватории дали. За-

каз. Банку тушёнки и десять яиц. Гуманитарная помощь от музыкантов Калифорнии.

– Телефон работает? – совсем проснулась Маро. – Мне надо позвонить в Москву, в Союз писателей...

– Если телефон включили, я первая! – вскочила Анаит и зашлёпала босыми ногами по давно нечищенному паркету. – Мне в постпредство надо позвонить...

Она подняла трубку, подождала.

– Нет, не включили...

– А свет? – поинтересовалась Маро из своей комнаты.

– Холодильник не работает, значит, света нет. Вчера говорили, что сегодня включают...

На кухне запел чайник.

– Идите все на кухню! А то сам съем всю яичницу! – кричал Ага.

Через пять минут все собрались за столом. Не снимая пальто и шуб, стали потягивать горячий чай, заедая бутербродами с яичницей.

Вдруг у Серго выпал из рук стакан, раскололся на две половинки.

– Ничего, – Ага подобрал осколки и выбросил в ведро. – У нас ещё целых три стакана есть.

– Хоть бы Ашот скорее вернулся из Канады, привёз бы нам красивый чайный сервиз, – сказала Анаит.

– Размечтались! – фыркнул Ага. – Не помнишь, как он привёз из Парижа какие-то небьющиеся дебилные бока-

лы? Художник называется! Разве настоящий художник может привезти небьющуюся некрасивую посуду вместо бьющейся, но красивой?

Анаит хмыкнула.

– Но вообще-то пусть приезжает скорей, – продолжал Ага, откусывая от огромного двухэтажного бутерброда. – Пусть приезжает и готовит обеды и ужины. А то всё я да я! Одна – поэтесса, вторая – депутат, третий статьи во сне сочиняет, а на кухне работать никто не хочет! Мне заниматься надо! Если, конечно, вы хотите, чтобы я поступал на биологический!

– Занимайся, пожалуйста! – развела руками Маро. – Я сама сегодня приготовлю обед. Открою банку тушёнки, смешаю с макаронами... Как, согласны?

– Пойдёт, – махнул рукой Ага.

Серго, прищурившись, смотрел на крошечный рисунок, припиленный к стене кухни рядом с посудным шкафом.

– Нет, я не согласен насчёт Ашота, посмотрите, какой изящный рисунок! Надеюсь, в Канаде он тоже работает, а не разъезжает по гостям!

– Ну, Маленькая Мароша не даст ему особенно разъезжать! – сказала Анаит.

– Да, Мароша у нас умница! За неё я совершенно спокоина! – закивала Маро (которую называли Большой Маро). – Она и в колледже будет хорошо учиться, и в университете...

– А Арч, думаете, хуже? – вступился за младшую внучку Серго. – Да она в пять лет наизусть Чаренца читала!

– Эх, заработал бы сейчас телефон, заказали бы международный, – сказала, вздыхая, Маро, – узнали бы, как там они, что делают...

– Ну да, а потом придёт счёт на тысячу рублей! – фыркнул Ага. – Нет уж, пусть сами звонят, сами приезжают... Если хотят нас видеть!

– Как они могут сейчас приехать?! – покачала головой Маро. – Пусть лучше живут там, в тепле и уюте... А вернётся Ашот, расскажет, как там они...

– Ашоту теперь вернуться – сто тысяч на билет надо найти! – рассудительно сказал Ага. – Кто придумал такие дикие цены на билеты?

– Известно кто – ненормальный! – вздохнула Анаит.

Все помолчали.

– У Ованеса Туманяна есть такая строчка, – протирая глаза указательными пальцами, произнёс Серго. – «Лунный луч – твоя улыбка на лице моём скользит. В час, когда я насмерть ранен, вижу смерти лик вблизи». А что, Грант Матевосян сейчас пишет что-нибудь? – обратился он к дочери.

– О чём ты говоришь?! – отмахнулась Анаит. – Кто сейчас пишет? И потом, не забывай, он депутат, каждый день заседания, сессии...

– Значит, сейчас никто не пишет? – горестно покачал головой Серго. – Никто из современных поэтов и прозаиков? Остаётся одно – вспоминать классику!

– Ага, иди занимайся! – решительно поднялась с места

Анаит. – Возьми учебник и до обеда реши десять задач... Знаешь ведь – без математики не поступишь никуда!

– А не поступлю – всё равно буду жить в заповеднике! – воскликнул Ага. – Я сам создам свой заповедник! Скоро дадут землю... ведь так, товарищ депутат? – обратился он к матери. – Значит, получу участок земли, заведу лошадей, достану павлина, зебру, обязательно жирафа, и будет у меня свой маленький заповедник! И пусть все вокруг воюют, я буду жить в своём заповеднике, как Ной в своём ковчеге!

– А как же мы? – спросила Анаит.

– Ладно, вас тоже возьму с собой. Построю там для вас хижину, – милостиво согласился Ага.

– Может, к весне этот кошмар кончится? – прошептала Маро. – Ведь сколько можно! Сколько можно!

Вдруг в дверь постучали. Все переглянулись.

– Кто бы это мог быть? – с тревогой спросил Серго. – Может, не открывать?

– А, может, это Гаяночка? – сказал Ага.

– Или Грант! – Анаит вскочила и направилась к двери. Щёлкнула замком, распахнула дверь.

На лестничной площадке стоял здоровенный небритый мужчина.

– Из Баку я, азербайджанец, ищу свою жену, Каринэ. По адресу родителей её нет. Где мне искать? – прохрипел он.

– Проходите, – сказала Анаит и повела гостя на кухню.

– Самед, – сказал мужчина, присаживаясь на табурет.

– Хорошее имя, – кивнул Серго, ставя перед ним стакан с горячим чаем. – В Баку жил поэт, Самед Вургун, у него есть такие строчки: «Всё в звёздах небо, с моря дует ветер. Мы встретим за стаканами зарю. Не говорю: «забудем всё на свете!», «согреемся немного», – говорю».

– Найдите мою жену, – заплакал вдруг мужчина, закрывая большое лицо красными, будто отмороженными ладонями.

– Ничего, брат, ничего, – положил Серго свою лёгкую, как осенняя веточка, руку на его богатырское плечо. – Будем искать. Может, найдём... Если Бог не отвернулся от нас...

– Если Бог не отвернулся от всех, – повторила шёпотом Маро.

Зима 1992 г.

Серго

Серго осторожно включил приёмник. Диктор сообщил, что газопровод, подающий газ в Армению, взорванный на днях в Грузии экстремистами, ещё не починили. Серго, выключив приёмник, взглянул на гору одеял, под которой посапывала задремавшая лишь под утро Маро, на железную печку с раскрытой дверцей – внутри зияла чёрная пустота, от печки поднималась труба, не доходя до потолка, изгибалась под прямым углом и мимо стены, на которой висела картина Ашота, тянулась к окну, выходящему на улицу.

Ашот ещё не появлялся. С утра ушёл в свою мастерскую посмотреть, не осталось ли там муки, обещал достать дров хотя бы на одну топку, но всё ещё не вернулся.

Серго с трудом натянул на плечи старое пальто, надвинул на голову вязаную шапку Ашота, шерстяные перчатки и вышел на лестницу. Держась за перила плохо гнущейся правой рукой, стал осторожно спускаться.

На площадке второго этажа увидел Вазгена, заходящего домой с лавашом под мышкой. Интересно, где он его достал? В булочную не завозили хлеба вот уже неделю.

Когда Серго вышел из тёмного подъезда во двор, зажмурился от света. Потом замер в горестном изумлении. Красавица-орешина, стоявшая посреди двора – главное его украшение, была спилена, торчала безобразным обрубком.

Серго направился на улицу. Здесь было тихо, пустынно, ни одного живого существа. Хоть бы кошка какая пробежала.

Тротуар повсюду обледенел, шагать надо было очень осторожно.

Серго поднял голову. Оперный театр тёмной горной громадой высился сбоку. На миг улица представилась узким ущельем в горах – наверное, потому что дома стояли без света и быстро темнело. Да, здесь было как где-нибудь в горном ущелье под Дилижаном: поднимешь голову и увидишь небо в алмазах, прислушаешься к тишине и услышишь лепет горного ручья, топот мчащегося сквозь кустарник дикого кабана...

Из какой это далёкой жизни! Прогулки по осенним горам, любование Севаном на закате, Оперный театр, освещённый яркими огнями, музыка Верди, Хачатуряна...

Серго вздохнул, открыл глаза и посмотрел прямо перед собой.

У платанов, тянущихся вдоль улицы Теряна, исчезли нижние ветки. Видно, не один Серго вышел сегодня на добычу. Дровосеки – только не из чудесных армянских сказок, а из сегодняшней пугающей жизни, уже побывали здесь. Вон один из них. В десяти шагах от себя Серго увидел высокого старика в коротковатом пальто и фетровой шляпе, человек пытался маленькой пилой отсечь сломанную ветку платана.

В этом человеке Серго узнал академика Арама Манукя-

на. В последний раз они виделись, когда Араму вручали Государственную премию за заслуги в области астрофизики, кажется, Арам открыл новую туманность, назвал её именем своей внучки Эстер.

Серго поздоровался с Манукяном. Тот сказал, что дома у них стало ещё холоднее, чем неделю назад. У Эстер началось воспаление лёгких.

Арам поинтересовался, как здоровье Маро и пишет ли она стихи? И где их дочь Анаит?

Серго ответил, что Маро поправляется после простуды, стихов не пишет, Анаит, кажется, в Москве, вместе со своим сыном, а, может, в Швеции, точно он не знает, телефон не работает.

Я слышал её по радио, сказал Арам, кажется, она добивается, чтобы включился кто-то из ООН?

Да, кивнул Серго, баронесса фон Кокк уже включилась.

Арам допиллил ветку, попытался взвалить её на плечо, но ветка оказалась слишком тяжёлой, и он просто поволок её по тротуару.

Возле своего дома обернулся, кивнул Серго на прощанье и скрылся из вида.

Серго зашагал дальше. Надежда на то, что по дороге попадётся что-нибудь пригодное для растопки печки – сломанный стул, полено, доска, теперь казалась несбыточной. Вдруг он замер на месте. На обочине тротуара, в неглубокой яме лежала новенькая жёлтая доска. Кто её выронил? Серго вы-

тянул вперёд руки, заторопился, заскользил непослушными ногами по мёрзлому тротуару и, резко покачнувшись, с размаху упал наземь, так и не дотянувшись до доски.

На миг небо сверкнуло как огромный выпуклый глаз, потом наступила тьма.

Через несколько мгновений Серго увидел себя плывущим в чёрном беззвучном небе. Вокруг вспыхивали и гасли звёзды. Они то приближались, то отодвигались, от них веяло таким холодом! Арам, Арам, где твоя туманность? Может, на ней теплее? И почему я не позвал тебя к нам в дом? На кухне бы посидели, чая горячего из термоса попили, поговорили бы... Например, о картинах Сарьяна, сколько в них солнца!

Через час Ашот нашёл на улице отца. Вернувшись домой из мастерской с пакетом блинной муки и поленьями в рюкзаке, Ашот вошёл в комнату и увидел, что Маро ещё спит, а Серго нигде не видно. Спустился во двор, но и там не было отца. Вышел на улицу и увидел недалеко от дома неподвижно лежащее на тротуаре тело. Узнал старое пальто и свою вязаную шапку. Ашот тут же подбежал к отцу, стал поднимать его за плечи. Серго, не открывая глаз, простонал, приподнялся, снова повалился. Ашот кинулся к перекрёстку. Увидел парня в солдатской форме, идущего мимо с канистрой в руке, остановил его, попросил помочь. Вдвоём они перенесли Серго во двор, подняли по лестнице на четвёртый этаж, внесли в комнату. В канистре у парня оказался керосин. Заправили лампу, зажгли свет. Затем Ашот сбегал на второй

этаж за Вазгеном, тот работал в «Скорой помощи». Вазген принёс обезболивающее и упаковку одноразовых шприцов, дал Маро успокоительное, она очень плакала. Потом осмотрел Серго, сказал, что, наверное, сломано ребро. Спросил, нет ли в доме спирта. Маро принесла с балкона бутылку со спиртом. Ашот влил несколько капель в посиневшие губы Серго.

Тот застонал, открыл глаза. Долго смотрел на сына, потом спросил:

– Ашот, ты?

– Я.

– Что со мной?

– Упал, сломал ребро. Я же говорил – не выходи из дома!

– А моя голова?

– Голова в порядке.

– Слава богу, главное всё-таки голова... Маро здесь?

– Здесь.

– А Анаит?

– В Швеции, премию получает.

– Премия – это хорошо... Газопровод починили?

– Ещё нет.

– Когда починят, разбуди.

– Хорошо.

Серго закрыл глаза, но через минуту снова открыл.

– Ашот, я видел горы.

– Ну, видел так видел. Спи.

– Ашот, кто написал: «Горы, вы высокие. Как вам не завидовать? Что же нам завидовать? Летом жжёт нас солнышко. В зиму – стужа лютая»? Кто написал, Ашот?

– Не знаю.

– Армянский поэт пятнадцатого века.

– Ну хорошо, отец, спи.

Серго вздохнул, закрыл глаза и затих. Кажется, наконец, уснул.

Ашот поставил мольберт на спинку стула, развёл краски, взял в руки кисть и стал дописывать картину, которую начал неделю назад.

Зима 1993 г.

Дом у дороги

В пустынной местности недалеко от дороги в заброшенном доме без окон и дверей весенним холодным вечером собрались бродяги – все злые, угрюмые, готовые вот-вот вцепиться друг в друга.

– Отодвинься, от тебя навозом пахнет, – сказал один из них другому.

– А по тебе вши ползут, – отвечал тот.

– Ты косою!

– А ты хромой!

– Паршивец! Твой дед лошадей крал!

– А твоя бабка до свадьбы родила!

Так все переругались, что драться начали.

Вдруг ветер распахнул окно с уцелевшими стёклами, стало слышно, как заливается перепёлка, рассыпая вокруг золото и серебро, казалось, воздух, окружающий дом, становится на глазах прозрачнее и хрустальнее...

– Ладно уж, возьми овчину, холодно ведь, – накинул один из бродяг свой полушубок на плечи другому.

– У меня табак есть, кому надо? – спросил второй.

Третий вдруг хрипло запел: «Ах ты, ласточка моя, пташка вольная...»

Четвёртый обернулся к соседу: «Говорят, твоя бабка красавицей была, глаза – изумруды, волосы – тучей...»

Тут распахнулась дверь. На пороге стоял юноша, у него была белая кожа, зелёные глаза, каштановые кудри, в руках он держал белый свёрток.

– Что у тебя? – спросили его. – Пасхальное яйцо?

– Или шерсть тонкорунной овцы, белой как снег на вершине Арарата?

– А может, белый творог, поели бы...

– Слиток серебра? Жемчуг?

Юноша покачал головой.

– Не угадали. Меня зовут Арег. Это моя дочка. У её матери пропало молоко. Вот, ищу козу с козлёнком...

– Э-э, где ты сейчас найдёшь козу с козлёнком? – вздохнул один из бродяг. – Здесь ни птицы не слышать, ни зверя... Всё выжжено войной... Вон, прилетела перепёлка, поёт, мы и радуемся!

Юноша раскрыл покрывало, стала видна девочка. Лицо её было как лепесток розовой вишни. Девочка открыла перламутровые глазки и стала издавать тёплые вибрирующие звуки, похожие на воркование голубя.

Перепёлка за окном засвистела ещё громче.

– Что ж, дитя в доме, надо привести дом в порядок, – сказал один из бродяг и принялся выметать из углов мусор.

Второй поднялся на чердак дома и нашёл там стёкла. Принёс в комнату, стал вставлять в окна.

Третий попытался разжечь огонь в печке, принёс дрова, вынул коробку спичек.

– Эх, была бы у нас мука, испёк бы вам лаваш, – сказал четвёртый бродяга, – я лаваш хорошо пеку!

– А что в этом сундуке? – подошёл юноша к неказистому сундуку в углу комнаты.

– Ничего, один хлам, уже смотрели, – отозвался тот, что разжигал печь.

Юноша поднял крышку сундука, посмотрел, вытащил из него мешок с мукой.

– Мука, – сказал юноша, – можно печь лаваш.

Пошарил ещё в сундуке, вытащил мешок поменьше.

– Соль, – сказал.

Пошарил в сундуке ещё и вытащил медный, потемневший от времени колокольчик.

– Такие козы носят, – сказал он и позвенел колокольчиком.

За окном послышалось чьё-то блеяние.

Все бросились к окнам. На дороге стояла коза с козлёнком, смотрела на дом и на людей.

– За колокольчиком пришла, – сказал юноша и спустился во двор. Привязал колокольчик на шею козы, потрогал вымя.

– Доить пора, принесите кувшин, – крикнул в дом.

– Ах ты, ласточка моя! – громко запел бродяга, любящий петь и с кувшином в руке бросился во двор.

Поздним вечером, когда в прибранном чистом тёплом доме наелись вкусного, пахнущего дымком хлеба, напились тёплого козьего молока, его хватило всем, не только девочке,

расстелили на полу овечьи шкуры, найденные на чердаке.

– У моего деда было двенадцать сыновей, – сказал один из бродяг. – Их звали Месроп, Акоп, Ашот, Арам, Мовсес, Вардгес...

– У моего отца было пять дочерей, один сын, – сказал второй, – дочерей звали Лилит, Шушан, Саломэ...

– У меня был сын, – сказал третий бродяга, – нет его теперь, нет!

И заплакал.

Все опять стали вздыхать, ворочаться с боку на бок.

– Ах ты, ласточка моя! – запел бродяга-певец, – пташка вольная, ты лети, лети скорей к милой матушке моей...

Голос его, звучавший поначалу хрипло, тихо, стал набирать силу, зазвучал громче, ровнее... Песня заполнила все закоулки дома, потом вырвалась из согретого человеческим дыханием пространства в холодную весеннюю ночь, наполненную свистом ветра, сверканием звёзд... Песня понеслась вдоль пустынной дороги, обогнула гору, на склонах которой кое-где лежал снег, а кое-где появились первые фиалки, обогнула вторую гору, целую горную гряду, понеслась над тёмным ущельем, где когда-то бродили бесстрашные тигры, благородные олени, лоси, волки, лисицы, а теперь ютились в земляных норах обезумевшие от недавней пальбы немногочисленные дикие кабаны... Песня долетела до моря, тёплого, огромного, перелетела через него и добралась до страны Египет, где возле величественных пирамид зимовали в ту

пору две армянские ласточки.

– Слышишь? Нашу песню поют, пора домой, – сказала одна ласточка другой.

– Пора! – ответила вторая.

Ранним утром, когда первые лучи солнца коснулись величественных, напоминающих родные горы пирамид, ласточки проснулись, повертели головками, выпили росы с шершавых камней у подножия пирамид, взмахнули крылышками и стремительно, дружно, не останавливаясь ни на минуту, полетели через огромное тёплое море, через снежную горную гряду, долину, ущелье, перевал, добрались до заброшенного дома в пустынной местности, залетели под крышу. Здесь отдышались, огляделись.

– Смотри, коза, – шепнула одна из ласточек, показывая на спящих у стены козу с козлёнком.

В доме распахнулось окно, во двор выглянул юноша. У него были каштановые кудри, зелёные глаза. На руках он держал девочку, которая улыбалась и издавала тёплые вибрирующие звуки, похожие на воркование голубя.

– Дитя в доме, – сказала первая ласточка, – в доме снова живут.

– Пора и нам заводить детей, – ответила вторая.

Апрель 1994 г.

Ануш

Было утро. По центру Еревана по пустынной улице шёл юноша со свёртком в руках. Он скользил по сплошному льду давно нечищенного тротуара, перепрыгивал с кочки на кочку, негромко напевал и говорил, обращаясь к свёртку:

– Смотри, Ануш, вон дерево, его ещё не спилили, летом зазеленеет... А вон Оперный театр, здесь бывает музыка, оперы Верди любишь? – и запел марш из «Аиды».

– А вот наш дом, здесь живут Маро и Серго.

Когда юноша поднялся по тёмной лестнице на четвёртый этаж дома и вошёл в пронизанную январским морозом квартиру, Анаит в кожаной юбке, чёрном свитере стояла на коленях возле печки и, нагнувшись, пыталась раздуть огонь, сырые дрова разгорались слабо. Маро и Серго, лёжа на диванах под грудями одеял, пристально следили за её действиями.

– Посмотрите, разве она не чудо? – и Ага вытянул перед собой свёрток, откинул уголок одеяла, открылось личико крошечной девочки. – Разве она не красавица?

Маро и Серго зашевелились, в глазах у них что-то затеплилось.

Ага положил свёрток на кресло и, подойдя к матери, принался с силой раздуть огонь, скоро в печке запылало.

Ануш распахнула отливающие перламутром глазки и подумала, что здесь светлее, чем там, где она провела первых

три месяца своей жизни, за квартал отсюда. Она увидела картину Ашота на стене – восхитилась, увидела рисунок Роберта Элибекяна на другой стене – снова восхитилась, наконец увидела сверкающую люстру под потолком и издала громкий ликующий крик.

Маро и Серго окончательно проснулись, стали сбрасывать с себя одеяла.

Анаит подняла с пола закопчённый чайник, поставила на плиту. Обернулась к сыну, спросила:

– Ну, что у вас?

– У Шушан молоко пропало, – сказал Ага, глядя в окно, на крышу соседнего дома.

– Нашли бы яблоко, натёрли на тёрке... Надо искать детское питание!

– Искал. В магазинах нет, на рынке нет, – Ага следил за воробьём, летающим по крыше соседнего дома. – Быть бы сейчас воробьём, полетел бы на Птичий рынок в Москве!

– Ты и есть воробей, только не московский, а ереванский, и у тебя – Ануш!

Маро нагнулась и вытащила из-под дивана корзину с яблоками.

– Сильвия вчера принесла. Поэму свою читала. Слишком торжественно!

Ага взял из корзины яблоко, сходил на кухню, вернулся с тёркой и блюдцем, стал натирать яблоко, напевая что-то из «битлов».

Анаит села за телефон.

– Гаяночка, у вас нет сухого молока? А детского питания? Если узнаешь, где есть, позвони... Только учти, наш телефон то включается, то нет...

Маро наконец решила подняться. Она умылась, выпила чаю с хлебом, причесала сильно отросшие волосы, и они серебряным нимбом окружили её похудевшее, но всё равно прекрасное лицо. Завернувшись снова в одеяло, она переместилась в кресло – уютное, широкое, захватив с собой тетрадку и ручку. Сообщила, что попробует написать верлибр, помнят ли они, что такое верлибр?..

Серго тоже умылся. Сбросив с плеч тяжёлый ватный халат, принялся налегке расхаживать по комнате, перевешивая картины, находя им другое место, с лучшим освещением.

Ануш, откушав яблочного пюре, возликовала ещё больше. Она с любопытством поглядывала на завернувшуюся с головой Маро, торжественно восседавшую в кресле и бормочущую что-то вполголоса...

Анаит сидела на полу в соседней комнате, среди разбросанных книг, тетрадей, рукописей. Через открытую дверь она посмотрела на Маро и подумала, что мать сейчас похожа на настоятельницу средневекового монастыря, а Серго, бесшумно скользящий по комнате с картинами в руках, походит на доброго духа, охраняющего дом, заботящегося о его уюте и гармонии...

– Дорогая, бесценная моя Анаит! – вполголоса прочла

Анаит в открытке, поднятой с пола. Кто бы это мог написать? Подпись была неразборчива.

Анаит задумалась, в доме стало совсем тихо. И во всём Ереване в это утро было тихо.

В Эчмиадзине не пела сегодня Лилит. Та, чей ангельский голос оповещал приходящих в храм о наступлении светлого утра и божьей благодати. У Лилит сегодня было простужено горло.

В запертом на все засовы Ереванском государственном музее висели на стенах картины, давно не виденные никем. Поднимался на гребень зелёной волны тонущий корабль с парусами на картине Айвазовского. Простодушно взирал на мир рыбаков Пиросмани в своей знаменитой красной рубашке. Сарьяновские красавицы в узорчатых шальях печально смотрели на противоположную стену, откуда полгода назад сняли картину на реставрацию, да так и не вернули обратно. В отделе прикладного искусства пылились, ветшали старинные платья из шитого золотом шёлка, парчи, бархата. На угрюмом зимнем кладбище в мёрзлой земле лежал Сергей Параджанов, гениальный режиссёр и художник, так и не успевший снять свою «Исповедь». В холодном доме на окраине другого кавказского города плакала юная художница Гаянэ Хачатурян, преданная ученица Параджанова, свидетельница его последних дней...

Создатель Музея современного искусства в Ереване Генрих Игитян, чей мощный голос гремел то в Москве и Петер-

бурге, то в Париже и Нью-Йорке, лежал в холодном доме после перенесённого недавно инсульта, родные гадали, где достать редкое лекарство...

Спал и мёрз во сне каталикос всех армян Вазген I, спал, надвинув на лоб чёрный шерстяной капюшон... И молился во сне, за армян и не армян...

Печальный Демон сидел на склоне горы вблизи Дилижана...

Молодые парни в солдатском обмундировании разбирали неподалёку от него ракетную установку «Град».

Буквы армянского алфавита строго блестяли на каменных надгробиях древних кладбищ и на новых деревянных крестах.

А на горных склонах Армении под ослепительно белым снегом спали бесчисленные скромные фиалки – «глаза Земли», веря в наступление близкой весны...

Через час в квартире на улице Теряна раздался телефонный звонок. Анаит подняла трубку, послушала, улыбнулась. – Спасибо, Гаяночка, сейчас придём.

И, обернувшись к Аге, выскочившему из кухни, сказала: «Жена Левона нашла банки детского питания, на неделю хватит. А потом ещё что-нибудь придумаем!»

Ага подпрыгнул и запел что-то из Верди. Ануш проснулась и, поняв радостную весть, издала ликующий крик такой силы, что пробила наконец преграду между нашим миром и каким-то ещё.

И изысканный инопланетянин с картины Ашота, висящий на солнечной стене дома, наконец улыбнулся.

Весна 1994 г.

Встреча в Ереванском университете

Встреча всё не начиналась. То ветки цветущего персика лезли в окна, заваливая столы и скамейки в аудитории розовой кипенью, то солнце начинало припекать так, что юноши принимались снимать с себя куртки, пиджаки, развязывать галстуки, девушки расстёгивали верхние пуговицы шёлковых весенних блузок. В конце концов, проректор Гаянэ Хачатуровна встала и сказала строго: «Оденьтесь, вы не на пляже, сейчас явятся гости».

И гости явились, их усадили на сцене, наступила торжественная тишина.

– Итак, мои дорогие, – пропела Анаит с приветливой улыбкой на бледном лице, на котором отчётливо выделялись синие, как синее небо Армении, разумеется, глаза, – разрешите представить вам наших московских гостей.

– А почему именно этих, а не каких-нибудь других? – возник перед ней депутат от оппозиции. – Учтите, я выступлю перед парламентом, я поставлю вопрос...

– Поставьте, – кивнула Анаит.

Депутат исчез, растворился в воздухе.

– Обозреватель из журнала «Новый мир», – с гордостью произнесла Анаит.

Гость встал, поклонился.

– Критик из журнала «Дружба народов».

Раздались аплодисменты.

– Рассказчица из Москвы, артист МХАТа, бард, режиссёр.

Бард поднял гитару, помахал ею. Раздался шквал аплодисментов.

Очень чёрные, поистине армянские глаза студентов, студенток и преподавателей университета впились в лица четырёх бледнолицых, прибывших из Москвы.

Лобастый, похожий на артиста Урбанского из кинокартины Райзмана «Коммунист» (мужественностью), но также на писателя Юрия Казакова, безвременно ушедшего из литературы (некоторой печалью), но также на артиста Крамарова, вернувшегося недавно из Америки в Россию (кажется, насовсем), обозреватель журнала «Новый мир» улыбнулся обязательной, то ли русской, то ли украинской улыбкой и добродушным голосом произнёс: – Ну, вы все знаете, что такое журнал «Новый мир» времён Александра Твардовского, Константина Симонова, когда печатали Александра Исаевича Солженицына, Бека, Слуцкого...»

Аудитория дружно заплодировала.

– Сейчас у нас тоже замечательный главный редактор Сергей Залыгин, выдающийся эколог.

Аудитория опять заплодировала.

– Мы продолжаем традицию журнала печатать талантливую отечественную прозу, – продолжал обозреватель, – материалы по истории, философии, критике, а также мемуары...

И он с воодушевлением заговорил о методе социалисти-

ческого реализма, с которым журнал боролся долгие годы застоя, о постмодернизме, андеграунде, о «деревенщиках» Белове, Крупине, Распутине, поменявших писательское дело на политические страсти, о Фазиле Искандере, Андрее Битове, Владимире Маканине, оставшихся верными самим себе, продолжающих писать «не снижая уровня», о молодых современных прозаиках, не боящихся никого и ничего, не обременённых никакими цензурными соображениями.

Аудитория заворожённо слушала. В первых рядах конспектировали.

– Постмодернизм, – задумчиво произносил обозреватель.

– Постмодернизм, – с восхищением повторяла студентка из первого ряда.

– Экспрессионизм, – говорил обозреватель.

– Экспрессионизм, – мечтательно вздыхала студентка из второго ряда.

– Простите, пожалуйста, повторите фамилию новенького прозаика по буквам, – попросил кто-то из задних рядов.

Обозреватель продиктовал по буквам.

– Хочу заверить, – улыбнулся он в конце выступления, – что наш журнал живёт, здравствует и будет жить, несмотря на уменьшившийся в силу разных обстоятельств тираж.

– А какой сейчас тираж?

– Пятьдесят тысяч.

– Всего пятьдесят тысяч? Раньше был, по-моему, миллион!

– Три миллиона было. Зато сейчас у нас самые верные, настоящие ценители отечественной прозы.

– А как выглядит журнал?

– Пожалуйста! – обозреватель вынул из полиэтиленовой сумки журнал, показал.

– Это настоящий? Сейчас такой выходит?

– Конечно.

– А почему обложка не синяя, а бледно-голубая?

– Нам сказали, что синяя экологически вредна.

– Можно поближе посмотреть?

– Пожалуйста, – обозреватель передал журнал сидящим в первом ряду, журнал стали листать, гладить, читать фамилии авторов, заголовки статей, передавали дальше.

– Можете оставить нам этот экземпляр? – робко спросил кто-то из преподавателей. – Для университетской библиотеки?

– Конечно, три экземпляра оставлю... Если б знал, что нужно, взял больше, – и обозреватель вынул из сумки ещё экземпляры журнала, передал в зал.

– А почему Жириновского выбрали? – вдруг громко спросил мужчина с горящим взором, сидящий сбоку.

Обозреватель пожал плечами.

– Я за Жириновского не голосовал, – сказал он. – И родители мои, из Малоярославца, тоже не голосовали за него.

– А почему Шахрай поссорился с Гайдаром? – вскочил другой мужчина с пятнами на лице. – Почему Фёдоров не

справился с Геращенко?

– Товарищи, товарищи, у нас литературная встреча, – поднялась с места проректор Гаянэ Хачатуровна.

– Продолжайте, пожалуйста, – улыбнулась она выступавшему.

Тот продолжил выступление, рассказал о прозе Ерофеева, стихах Дмитрия Пригова, повести Марины Палей.

– Если у вас есть вопросы, пожалуйста, задавайте, постараюсь ответить, – закончил он своё выступление, вытер вспотевшее лицо платком и дружелюбно улыбнулся студентке из первого ряда, восхищённо смотревшей на него.

Студентка поднялась, приблизилась к новомировцу, дотронулась пальцем до рукава его джинсовой куртки, прошептала: «Настоящий!» И удалилась на место.

Аудитория дружно поблагодарила выступавшего аплодисментами.

Затем поднялся критик из «Дружбы народов», вернее, выплыл из облака сигаретного дыма, в котором пребывал, стали видны волнистые, чуть с проседью кудри и задумчивый, чуть прищуренный взгляд истинного критика (истинные критики постоянно вспоминают замечательные страницы прочитанных ими книг, поэтому порой им бывает трудно вернуться в реальную жизнь, будь то солнечный Ереван или библейский Иерусалим).

– Ну, мы сначала хотели поменять название нашего журнала «Дружба народов» на какое-нибудь другое, – сказал

он, – но подумали, подумали и не поменяли...

– Правильно сделали, – крикнул кто-то из зала, – дружба есть дружба.

– Молодцы! – крикнул кто-то ещё.

В зале раздались аплодисменты.

– Москва – Ереван! Москва – Ереван! – закричали во дворе.

Проректор Гаянэ Хачатуровна встала и закрыла окно.

– Пожалуйста, продолжайте, – подбодрила она критика.

– Ну, вы помните, – продолжал критик, ещё сильнее прищуриваясь, как бы обзревая «даль времён», – когда у нас печатали Иона Друзэ из Молдавии, Гранта Матевосяна из Армении, Олжаса Сулейменова из Казахстана, Амирэджиби из Грузии, Мара Байджиева из Киргизии, Матса Траата из Таллина, Ивана Драча из Киева, Акрама Айлисли из Баку?..

– Из Баку? Не произносите при нас слова «Баку»! – вскопчил мужчина с горящим взором.

– Акрам Айлисли – хороший писатель, – растерялся критик.

– Акрам Айлисли – хороший писатель и мой друг! – выступила вперёд Анаит Баяндур.

– Акрам Айлисли из Баку ваш друг? – возник перед ней депутат от оппозиции. – И вы с ним дружите?

– И с ним, и с Рамисом Алиевым, и с другими хорошими писателями из Баку, – твёрдо сказала Анаит.

– Я выступлю в парламенте, – взвился депутат, – я постав-

лю вопрос...

– Ставьте, – крикнула Анаит и отвернулась от депутата. Тот исчез, будто растворился в воздухе.

– Мы хотим продолжить традицию нашего журнала печатать Маро Маркарян, Сильву Капутикян, Гранта Матевосяна, других армянских писателей. Ждём новых произведений, – улыбнулся критик и сел.

– А журнал с собой привезли? Можете показать? – спросили из зала.

– Пожалуйста, – критик встал, вынул из сумки журнал, пустил по рядам.

Все стали разглядывать его, читать вслух названия статей, фамилии авторов, передавали журнал дальше.

– А что делает сейчас Фазиль Искандер? Пишет? А Андрей Битов? Почему Евтушенко молчит?

– Почему Жириновского выбрали? – снова вскочил мужчина с горящим взглядом.

Аудитория опять загалдела.

– Я за Жириновского не голосовал, меня вообще не было в Москве, – пожал плечами критик.

– А где вы были? Может, в Баку? – вскочил мужчина с пятнами на лице.

Критик развёл руками.

– Не в Баку. В Израиле. Я в гости ездил по приглашению.

– А почему у вас есть такие партии – чистые фашисты? – поднялся в зале ещё один мужчина.

– В Москве много всяких партий, – помолчав, ответил критик, – в Москве много разных людей. В Москве живёт десять миллионов человек. Вот, сколько сейчас в Армении?

– Три миллиона, – ответил кто-то из зала.

– Не три миллиона, триста тысяч уехало, – поправил кто-то из зала.

– Не триста тысяч, больше уехало, – заметил кто-то ещё. Зима, знаете, какая холодная была!

– Товарищи, товарищи, – снова поднялась с места Гаянэ Хачатуровна. – У нас литературная встреча. Давайте поблагодарим гостя за интересное выступление.

Все дружно зааплодировали.

Настала очередь рассказчицы из Москвы.

Она выступила вперёд, посмотрела в окно, на ветку цветущего персика и сказала с чувством: «Минас Аветисян. Роберт Элибекян. Джотто Григорян». И закрыла глаза, кажется, потеряла сознание.

– Воды, – вскочил студент из первого ряда. – Ей плохо.

Гостья снова открыла глаза и внятно произнесла: «Мартирос Сарьян. Акоп Акопян. Эчмиадзин». Глаза её снова закрылись.

– Дайте же воды! – закричал студент из первого ряда.

Воды поблизости не оказалось. Но другой студент, более находчивый, чем первый, протянул руку в окно, сорвал ветку цветущего персика и преподнёс гостье. Та тут же открыла глаза, поблагодарила улыбкой, прошептала:

– Где я? В Армении? Тогда я прочту рассказ о вашей замечательной поэтессе!

И она с улыбкой, не потеряв сознания ни на секунду, прочла рассказ о присутствующей здесь поэтессе.

Поэтесса поднялась, приветственно помахала всем рукой, сказала несколько прочувствованных строк об Анне Ахматовой, когда-то переводившей её стихи. Молодо улыбнувшись, села на место.

Все дружно похлопали, все были рады, что любимая поэтесса находится среди них, такая же обаятельная, искренняя, талантливая и прекрасно выглядит, несмотря на свои семьдесят с лишним лет.

Наконец взоры присутствующих обратились к последнему из московских гостей, он ожидал выступления с гитарой в руке.

Он встал, потрянул длинными белокурыми волосами, сверкнул бледно-голубыми, как московское небо, глазами и запел взволнованно и страстно о Весне, Любви, Красоте.

Лица присутствующих озарились улыбками. Краски жизни явственно заиграли на них. Девушки широко раскрывали глаза, краснели, прикладывали ладони к пунцовым щекам, преподавательницы вздыхали, мечтательно смотрели в окна, на ветки цветущего персика, юноши хмурили мужественные брови, двигали желваками, скрежетали зубами.

Бард пел всё громче, всё взволнованнее. Он подпрыгивал, метался по сцене, его русская душа рвалась и пела, устрем-

лялась навстречу слушателям, и они были готовы вскочить с места и побежать к нему, заключить его в объятия.

– Москва! – пел артист. – Московское небо, московские дворики!

– МХАТ. Ефремов. Смоктуновский, – шепнул кто-то из слушателей.

– Москва, Площадь Маяковского. Я там пять лет учился, – шепнул другой слушатель.

– Хочу я быть с любимой рядом! – озорно, весело запел артист, – а с нелюбимой не хочу!

Зал взорвался аплодисментами.

– Представляешь! – вскочил с места, обнял друга студент-первокурсник. – Он поёт: «Хочу я быть с любимой рядом, а с нелюбимой не хочу!» Не хочет! Молодец!

– Молодец! – завопил его друг.

– Москва – Ереван! – закричали во дворе.

Проректор Гаянэ Хачатуровна встала и закрыла окно.

– Про Арбат спойте, про Арбат можете? – закричала похожая на армянскую царевну девушка с золотым ожерельем на шее и глазами, как синие сапфиры.

– Ах, Арбат, мой Арбат, ты моё отечество, – сходу включился певец.

Все в зале запели вместе с ним. Температура за окном и внутри аудитории поднималась всё выше.

– А как здоровье Булата Шалвовича? – спросил кто-то из зала.

– Ничего, неплохо, – улыбнулся артист, припоминая, когда он в последний раз видел Булата Окуджаву на экране телевизора.

– А Большой театр работает? – спросил кто-то из зала.

– Работает.

– А Вахтанговский театр работает?

– Работает.

– А МХАТа теперь два, что ли?

– Два.

– И Театров на Таганке два?

– Два.

– А электричество в Москве есть? – вдруг спросил кто-то.

В зале наступила тишина. Московские гости переглянулись.

– Электричество в Москве есть? – переспросил тот же напряжённый голос.

– Электричество в Москве есть, – медленно ответил артист.

– Всё время есть?

– Всё время есть.

– И газ есть?

– И газ есть.

– И горячая вода?

– Да.

Наступила тишина. Стало слышно, как во дворе кто-то свистит. Проректор Гаянэ Хачатуровна решительно подня-

лась с места:

– А теперь, товарищи, поблагодарим наших московских гостей за огромное удовольствие, которое...

Аудитория, хоть и не сразу, но заплодировала.

К артисту из МХАТа подбежали студентки: «Можно ваш автограф?»

Артист добросовестно стал подписывать автографы.

Анаит ласково смотрела на своих московских друзей.

К ней подошла Гаянэ Хачатуровна: «Правильно сделали, Анаит Сергеевна, что пригласили этих людей. Общение для нас – жизненная необходимость!»

– В следующую группу думаю включить Олега Янковского, Рому Балаяна, Данелия, Нани Брегвадзе, – сказала Анаит.

– Очень хорошо, – закивала Гаянэ Хачатуровна.

Затем гостей провели в маленькую комнату, в кабинет проректора, усадили за журнальный столик, на котором торжественно возвышалась бутылка армянского коньяка.

– Может, сначала кофе? – светски улыбаясь, спросила хозяйка кабинета. – Аревик, вскипяти кофе!

Девушка с нежным румянцем на щеках, с вьющейся копной волос до талии и с серебряным обручем на голове виновато улыбнулась: «Керосина нет, Гаянэ Хачатуровна».

– Так вскипятите без керосина, – сказала Гаянэ Хачатуровна. – Софи, Шушан, помогите Аревик.

Аревик и ещё две девушки подошли к чайнику, стоящему на керогазе, прижали ладони к стенкам чайника, через

десять минут он закипел. Насыпали кофе в маленькие синие чашечки, залили кипятком, подали гостям.

– Какой аромат! – похвалил критик из «Дружбы народов» – Давно не пил такого замечательного кофе!

Обозреватель из «Нового мира» выпил чашечку одним глотком, осторожно поставил её на столик, сказал, благодушно улыбаясь: «А какие потрясающие картины видели мы в музее Сарьяна! Копии с картин у вас не делают?»

– Копии? – переспросила Гаянэ Хачатуровна.

Подумала немного и сказала: «Где Вардгес?»

Кто-то из преподавателей привёл из коридора веснушчатого студента, жующего что-то.

– Вардгес, на завтра освобождаю тебя от занятий, сделаешь копию с картины Сарьяна, – сказала ему Гаянэ Хачатуровна.

– Какая картина вам больше понравилась? – обернулась она к новомировцу.

– «Константинопольские собаки», – ответил тот растерянно.

– Вардгес, сделаешь копию «Константинопольских собак», – сказала Гаянэ Хачатуровна.

Вардгес повернулся, чтобы уйти, потом вернулся.

– Два дня не буду ходить на занятия.

Повернулся и ушёл.

– Ну, чего бы вы ещё хотели? – спросил проректор по хозяйственной части.

– Арарат – это такое чудо! Нельзя ли посмотреть на него ближе? – мечтательно улыбаясь, спросила рассказчица из Москвы.

– Ближе? Но это же в Турции! – удивился проректор по хозяйственной части.

– Если только на дельтоплане, – задумчиво произнесла Гаянэ Хачатуровна.

– Мовсес здесь? – оглянулась она.

Из-за шкафа показался студент с настольной лампой в руке.

– Мовсес, что делаешь? – строго спросила его Гаянэ Хачатуровна.

– Усовершенствую лампу, чтобы она от взгляда загоралась, а не от сети, – пояснил Мовсес.

– Дельтоплан твой работает? Пятерых поднимет?

– Может, и поднимет.

Поднялись на университетскую крышу. Отсюда был виден весь Ереван. Мовсес достал из люка дельтоплан, собрал его, запустил мотор, разбежался, подпрыгнул и крикнул: «Цепляйтесь, чего стоите?»

Первым отреагировал новомировец. Он гикнул, подпрыгнул и ухватился за длинные ноги Мовсеса. К нему примкнул критик из «Дружбы народов» с попыхивающей сигаретой в зубах. Затем рассказчица из Москвы в своём ярком развевающемся платке и артист МХАТа с гитарой в руке.

– Какая красота! – крикнули они все вместе, удаляясь в

небо.

Снизу, из университетского двора за подъёмом следили студенты, студентки и преподаватели. Они наблюдали, как пёстрая лента, похожая на китайского бумажного змея с вертящимся хвостом, взвилась с крыши университета и полетела над городом.

– Москва – Ереван! – закричали все вслед.

Змей летел над городом, над домами из розового туфа, потемневшего от копоти, с самодельными печными трубами, торчащими из окон и лоджий, над дворами с цветущей алычой, персиком, над громадой Оперного театра, откуда доносилась музыка – там шёл концерт, проплыл над зданием из светлого мрамора – Музея Арама Хачатуряна, над Музеем Мартироса Сарьяна, над сквером без единой скамейки, их сожгли зимой как дрова, над пустырём, где ереванские художники выставили свои весенние работы, в картинах преобладали розовые, сиреневые, голубые тона, ремесленники выставили тут свой традиционный товар – изделия из драгоценных и полудрагоценных камней. Змей пролетел над чёрной похоронной процессией, направлявшейся к кладбищу, – хоронили известного армянского писателя, над шоссе, ведущей в Эчмиадзин, по обеим сторонам дороги кое-где были вырублены деревья, целые рощи... А потом змей резко взмыл вверх, и город остался далеко внизу, сияющая, неправдоподобная в своей красоте гора Арарат приближалась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.